Мастер Исхода

Автор:
Александр Мазин

Мастер Исхода

Александр Владимирович Мазин

В конце XXI века люди поняли, что Космос для них недоступен. Бог создал для людей только Небо и Землю. Однако чуть позже выяснилось, что наша Земля – не единственная. Их много, и перемещаться с одной Земли на другую возможно.

Вот только могут это не все. Исход доступен тем, кого называют Пророками. А они способны брать с собой других людей.

Со временем колонии людей возникли на сотнях замечательных планет. Но не всегда жизнь новой колонии проходит гладко. И тогда на помощь колонистам приходят Мастера Исхода, межпланетные спасатели.

Эти «сверхчеловеки» обладают множеством полезных «навыков» Они могут читать мысли и подчинять себе зверей и животных… Но вот беда: сразу после Исхода все эти свойства напрочь исчезают и Мастер мало чем отличается от обычного человека.

Голый человек на голой земле…

По которой вполне могут бродить динозавры.

Александр Мазин

Мастер Исхода

Очень короткое вступление от автора

Некоторые мои читатели были весьма огорчены финалом романа «Утро Судного Дня». Мол, ничего не понятно. Точки над «и» не расставлены. Научные корни волшебства не объявлены, и источник безобразий не представлен читателю, препарированный, разложенный по полочкам и сопровождаемый подробной инструкцией: что, зачем и откуда.

Претензия справедливая. Тем более что сам я всегда требую от своих авторов аналогичного. И не устаю повторять: все, что очевидно автору, далеко не всегда очевидно читателю. Тем более что он, то есть вы, уважаемый читатель, и не обязаны разгадывать ребусы, поскольку приобрели мою книгу не для развития ума, а исключительно развлечения ради.

В оправдание свое могу сказать только одно. Я – писатель эпохи докомпьютерных игр и не привык представлять волшебство как функцию от эффективности использования маны. И прагматичный подход виртуального игрового мира мне не то чтобы чужд (было время, и сам я славно поиграл в «игрушки»), но математическая предопределенность везде и во всём… Не верю!

В жизни так не бывает. А поскольку я, как уже сказано выше, отношусь к писателям «старой» школы фантастики, то жизненная достоверность для меня очень важна. Потому в фантастике для меня важнее всего Чудо. То, что не объясняется, а случается. Сродни тем маленьким чудесам, которые происходят в настоящей жизни с каждым из нас и время от времени дают каждому почувствовать, что строго детерминированный условный мир социума (прошу простить за наукообразие) – это только видимая поверхность океана жизни. И в жизни, и в литературе есть вещи и понятия, о которых писать нельзя, потому что слова убьют суть. Я могу только намекнуть… Как и сделал это в книге «Утро Судного дня». Показав Пса вместо Хозяина и представив читателю самому домысливать, каким может быть Хозяин у такого Пса.

Это, на мой взгляд, и есть то недосказанное, что может помочь поднять нечто, возможно и не имеющее отношения к конкретной книге, однако крайне важное для развития собственно понимания.

Но это, так сказать, сверхзадача. И если большинство моих читателей хотят получать ответы на вопросы, они в своем праве. И я, уважая это право, готов вывести из тени многое из того, что осталось в сумерках «Утра Судного Дня». Здесь, в этой книге.

Хотя должен предупредить, что книга, которую вы держите в руках, прямого отношения к дилогии «Хранителей равновесия» не имеет. Это совершенно независимый научно-фантастический приключенческий роман с еще не известным вам, читатель, но довольно симпатичным и весьма крутым героем, Мастером Исхода Владимиром Воронцовым по прозвищу Гризли.

Глава первая

Маугли

Сначала было солнце. Било прямо в глаза. Потом солнце пропало, потому что на мое лицо легла тень кошачьей морды. На морде имелась пасть, в которую без особого труда можно было бы запихнуть голову. Хотя нет, голову – вряд ли. Клыки помешали бы. Да и не хотелось ее туда запихивать – пахло из пасти мерзко.

Я зажмурился. Пасть исчезла, вонь – нет.

«Значит, это не бред», – подумал я.

Нечто, напоминающее мокрую терку для овощей, проехалось по физиономии. Я осторожно приоткрыл один глаз – и увидел красный язык, похожий на кусок поношенного красного войлока. Язык шлепнул меня по щеке: точно, та самая мокрая терка.

Тут я вспомнил, что у меня есть руки, и отважно отпихнул клыкастую морду.

Морда исчезла, и целую секунду я лежал спокойно, только щурился от слишком яркого света.

Секунда кончилась, и меня снова лизнули. Лизнули в…

В общем, с другого конца туловища.

Это меня настолько взбодрило, что я моментально сел.

Здоровенная длинная гладкая кошка лениво потянулась и фыркнула. Глаза у кошки были узкие, желтые и очень умные.

«Естественно, – подумал я. – Модифицированная пантера. Продукт генной инженерии и селекции. Разумность – 0,7 по стандартной шкале. На одну десятую выше, чем у среднего потомственного безработного с Земли-Исходной».

Хрустально-прозрачное стекло моего сознания начало заполняться разноцветной мозаикой. Память восстанавливалась, и это было приятно.

Я упругим движением поднялся. Тело слушалось вполне удовлетворительно. Отличное тело. Мне снова восемнадцать. Или около того. Впрочем, до Исхода мое тело было не хуже. Лучше. Но это – дело поправимое. Пара дней – и организм будет в тонусе. Вот с Даром – сложнее. Но не будем о грустном. Итак, куда мы вышли?

Я огляделся.

Приятное местечко. Вокруг – лес. Нормальный лес: листва зеленая, цветы разноцветные, птички поют. Небо синее, облака пушистые, воздух теплый. Даже очень теплый. Градусов тридцать пять—сорок. Откуда-то издалека доносился мерный гул. Прибой, что ли? Ладно, потом разберемся.

– Как дела, Лакомка? – спросил я. – Как прошел Исход? – И громко, с удовольствием засмеялся.

Приятно чувствовать себя живым. Особенно приятно, если понимаешь, что могло быть и иначе.

В ответ на мой смех справа раздался жалобный клекот. Я повернул голову и поглядел на ворох сизых перьев, бесформенной кучей громоздящийся на траве.

Пантера тоже покосилась на неопрятную кучу, потянулась лениво – под пепельно-серой, с черными разводами атласной шкурой перекатились тугие бугры мышц – и потрогала кучу передней лапой.

Куча вновь издала жалобный клекот, зашевелилась и превратилась во взъерошенную лысоголовую птицу. Птица растопырила крылья, зашипела, щелкнула изогнутым клювом и заковыляла в сторону. Пантера еще раз фыркнула, оглянулась на меня, мяукнула басом и исчезла между деревьев.

Я последовал за ней, потому что уже знал: надо отыскать четвертого члена команды. Память быстро восстанавливалась. Так и должно быть. Тело и память Мастера после броска приходят в норму минут за двадцать. У пантеры – значительно быстрее. Естественно. Кто-то же должен нас, беспомощных, защищать.

Четвертый член нашей команды обнаружился неподалеку. Горбатая спина, покрытая жесткой щетиной цвета дымчатой стали, была на уровне моего плеча, даже когда он лежал. Он повернул ко мне массивную голову: карие печальные глаза, потерявшиеся в шерсти под могучим выступом лба, укоризненно посмотрели на меня.

– Потерпи, Мишок, – ласково сказал я. – Сейчас отпустит. – И почесал мохнатое надбровье.

Я знал, что из нас четверых Мишка перенес Исход тяжелее всех.

Лакомка негромко мяукнула и вопросительно поглядела на меня.

Я кивнул: иди, я присмотрю пока.

Миг – и моей красавицы уже нет. За завтраком отправилась. Очень скоро мы все почувствуем дьявольский голод. Как всегда после Исхода.

Мы – это моя верная багира Лакомка, могучий (полтонны с хвостиком боевого веса) балу с незамысловатым именем Мишка и я сам, голый, как и положено, лягушонок маугли ста десяти килограммов весом, семи пядей во лбу, непревзойденный боец Владимир Воронцов по прозвищу Гризли. Эмпат, телепат,

логик-интуитив, а главное – превосходно вымуштрованный Мастерами двух Земель великолепный Мастер Исхода.

Но это – в прошлом. И, возможно, в будущем. Если мне удастся протянуть год-другой. А сейчас я всего лишь голый мускулистый паренек с генетически уплотненной костной и мышечной тканью, но начисто лишенный каких-либо сверхъестественных свойств. Так что любой из членов моей команды даст мне триста очков вперед в плане выживания.

К счастью, все они меня очень любят и не дадут пропасть зазря. Во всяком случае – постараются.

Ах, да! Совсем забыл представить госпожу Марфу. Вот она, родная, притащилась, волоча по траве трехметровые крылья, вскарабкалась, цепляясь когтями, на Мишкину спину и уселась там с очень недовольным видом. Госпожа Марфа. Безобразная помесь кондора, ворона, альбатроса, дикого гуся и еще черт знает кого, Госпожа Уродина, самолично выращенная и выпестованная мной из еще более безобразного птенца. Наш непревзойденный разведчик и потрясающей образчик жуткой неряхи и лентяйки. Прошу любить и жаловать. Но предупреждаю: характер у нее неважный.

Совсем близко раздался пронзительный писк и знакомое рычание. Лакомка.

Точно, она. Через полминуты из кустов показался знакомый хвост, а затем и все остальные два с четвертью метра. Лакомка приволокла ящерицу. Солидную, килограммов на шестьдесят. Ящерица еще трепыхалась, когда когтистая лапа прошлась по ее спине, превратив радужную шкуру в несколько узких длинных ремней. Еще несколько движений – и рядом с «ремнями» лег аккуратно отделенный пучок белых сухожилий. Лакомка знает, что мне может понадобиться, а ее когти – лучшие разделочные ножи, какие я когда-либо видел.

Марфа соскочила с «насеста» и вразвалочку двинулась к туше. Лакомка вроде бы не обращала на нее внимания, так что глупая птица сунулась отхватить кусочек добычи… И тут же схлопотала леща.

Лакомка тем временем очень аккуратно отделила кусок «филейки», килограмма на три, осторожно взяла его зубами и положила перед Мишкиной мордой.

Мишка немного оживился, приподнял голову, шевельнул ноздрями, лизнул влажное мясо, и… Щелк! Мяса нет.

С довольным урчанием огромная медвежья туша пришла в движение и неторопливо поднялась на ноги. Есть только одно зрелище, которое кажется мне более внушительным, чем Мишка, стоящий на четырех лапах. Это Мишка, стоящий на двух лапах. Полутонный модифицированный гибрид гризли и белого медведя – это наша главная ударная сила. Тем не менее он добряк, мой Мишка. И умница. И среди его многочисленных достоинств и полезных свойств числится способность моментально опознавать любой яд. Если Мишка мясо скушал, значит, и нам оно не повредит.

Лакомка одним прыжком оказалась возле свой добычи, взмахом лапы вырвала печень и метнула ее мне. Я поймал деликатес. Любит меня моя кошечка, ничего не скажешь. Конечно, я предпочитаю жареное мясо. А еще лучше – хорошо приготовленное мясо. Но в данном случае…

Марфа стремглав кинулась к туше и зарылась головой во внутренности. На редкость неопрятная особа. То ли дело Лакомка. Проглотила кусок-другой – и снова на охоту.

Мимо меня неторопливо прошествовал Мишка. Обнюхал распотрошенную тушу, подцепил когтем… Только кости захрустели. Минута – и от ящерицы осталось кровавое пятно и кучка внутренностей, которые жадно, давясь, заглатывала Марфа.

Мишка облизнулся и поглядел на меня.

– Ты же ее знаешь, – сказал я. – Скоро будет добавка.

Мишка очень большой и очень сильный. Поэтому кушает он много. Суточная норма – килограммов пятьдесят. Мяса. Конечно, он может есть и многое другое: рыбу, коренья, орехи… Но мясо предпочитает.

Его я тоже вынянчил из молочного детеныша, как и Лакомку. И они оба любят меня. Иначе я не смог бы взять их с собой. Мастер Исхода уводит с собой только тех, кто его искренне любит и безгранично ему доверяет. Мишка, Лакомка и Марфа. Пока только трое. Когда-нибудь, лет через двести, может быть, если

доживу, я стану Пророком. И тогда за мной пойдут сотни и тысячи… Но пока мне сорок объективных лет и я не Пророк, а обычный Спасатель. И задача у меня другая. Срочная помощь колонистам, которые угодили в серьезные неприятности. Здешние – угодили в них по горлышко. А может, и по макушку. Я это выясню. Непременно. Для этого меня и готовили.

* * *

Итак, зовут меня Владимир Воронцов, и родился я в теократии Центральная Сибирь на планете, которая называется Земля, но отстоит от Земли-Исходной почти на сотню парсеков. То есть будь на моей родной планете некий супертелескоп, позволяющий увидеть ту, Первую Землю, то можно было бы наблюдать, как Император всея Руси Александр Первый побивает Императора Франции Наполеона Бонапарта.

На нашей Земле французов практически нет. Есть русские, китайцы, монголы, тысяч двести японцев… Центральная Сибирь – не единственное государство на планете, но на нашем континенте других нет. У нас смешанное теократическое правительство, и с другими государствами мы – в мире.

Как только выяснилось, что Бог оставил людям лазейку, позволяющую избежать запланированной телесной смерти, воинственность человечества существенно снизилась. Не говоря уже о том, что проблем с жизненным пространством тоже больше нет.

Потому что есть Дар. И есть Исход.

И теперь главное, что отделяет одних людей от других, это не благородство происхождения, не богатство и не власть. Всё, что может человек унести с собой в Исход, это он сам. И его знания, разумеется. И Дар. Если он есть. Вот почему люди теперь делятся на Одаренных и обычных.

Обычные же люди разделяются на тех, кто способен уйти в Исход вслед за своим Пророком, и на тех, кому придется, состарившись, уйти в небытие согласно своей вере или безверию.

У нас, в Центральной Сибири, последних почти нет. Все мы – либо дети Исхода, либо дети тех, кто совершил Исход. Либо – Одаренные. Я, уроженец Центральной Сибири, Владимир Воронцов по прозвищу Гризли, – Одаренный. И Дар мой – высший из возможных.

Дар стоил мне счастливого детства и беззаботной юности. Такова судьба всех Одаренных. Но она того стоит.

Глава вторая

Мастер Исхода

Случилось это в середине двадцать первого века. В те времена, когда всё человечество еще теснилось на поверхности единственной Земли. Точной даты события не знает никто.

Но рассказывают следующее.

Некий монах явился к Самому Главному Лицу тогдашнего Китая и объявил, что он точно знает, как попасть в Небесное Царство. Более того, готов отвести туда всех, кто желает за ним следовать.

Главному Лицу было не до Небесных Царств. У него были более скромные интересы: расширить пределы своей Поднебесной державы. Желательно – на всю поверхность планеты.

Единоличный повелитель трети земного населения собирался показать остальным двум третям кузькину мать.

Чем глянулся Лицу ничтожный монах – сказать трудно. Может, попросил за него кто-то из приближенных. Так или иначе, но монаха не арестовали. Более того – даже позволили обзавестись парой сотен приверженцев – ничтожная капля в двухмиллиардном океане населения Китая. Называлась новая секта не слишком оригинально. «Небесные врата».

Уж не знаю как, не исключено, что благодаря той же руке, что провела монаха в Первому Лицу, но спустя год монах появился в одном из инфопорталов галосети.

Завтра я ухожу в лучший мир, заявил монах. Беру с собой всех, что пожелает. Жду там-то и там-то. Добро пожаловать.

И не обманул.

На следующий день, при большом стечении народа, на глазах у представителей массмедиа и тысяч зевак монах взял да и исчез. Совсем. Был – и нету. И вместе с ним канули в ничто еще четверо приверженцев. Прочие – к немалому своему разочарованию – остались.

Сюжет, естественно, передали по гало, но отзвука он не имел. Подумаешь – еще один фокусник. Тем более – в Китае.

Землю тогда интересовали куда более актуальные вещи. Например – экологические катастрофы, захлестнувшие планету и заставившие забыть о так победоносно начавшемся наступлении на космос. И о генетических революциях.

Все это называлось феноменом спонтанной деструкции, или, по-простому – Ифритом.[1 - Желающих узнать об Ифрите подробнее отсылаю к моей книге «Время перемен».] На фоне гибели сотен тысяч людей исчезновение какого-то монаха не взволновало даже любителей экзотики. Если бы монах вернулся, возможно, к нему бы проявили интерес. Но он не вернулся. Может, не пожелал. А может, его слопал какой-нибудь тигр. Вряд ли монах знал, что там, куда он уходит, могут водиться тигры.

Правда, в Китае у монаха остались последователи. «Небесные врата» просуществуют еще несколько десятилетий и прекратят свое существование после того, как последний лидер секты вступит в контакт с отцом первого Мастера Исхода Владимиром Гривой.

Шли годы. Ситуация на Земле-Исходной всё ухудшалась. Освоение ближнего космоса было полностью закрыто. С каждым годом крепли позиции теологов, утверждавших, что Бог создал для людей именно Землю, а не Венеру с Сатурном. Поэтому нечего человеку соваться туда, куда ему соваться не положено. За последнюю попытку проникнуть в Солнечную систему, «ифрит»

отомстил так жестоко, что у остальных напрочь отбило желание экспериментировать. Нет, никто не умер. Но два миллиарда китайцев (полет был их затеей) навсегда утратили способность понимать человеческую речь. Примерно так же Бог обошелся со строителями Вавилонской башни.

Все правильно. Земля – для людей. Прочее – нет.

Однако Тот, Кто повелел людям плодиться и размножаться, позаботился о том, чтобы человечеству хватило места для обитания.

Земля оказалась не одна. Земель оказалось много.

Но об этом люди узнали немного позже.

* * *

– Марфа, – позвал я. – Слетай, погляди, где мы.

Марфа одарила меня мрачным взглядом, но послушалась: вылезла на солнышко, расправила крылья и с оглушительным хлопаньем взмыла над полянкой.

Полет ее был недолог. Не успела моя орлица набрать высоту, как откуда-то сбоку вынырнули две треугольные тени поменьше и устремились к Марфе, словно пара тактических ракет – на неопознанный модуль.

Марфа боя не приняла: сложила крылья и камнем рухнула вниз: под нашу защиту.

Наглые преследователи не отстали: завертелись над нами, издавая отвратительные звуки: нечто среднее между вороньим карканьем и писком придавленной крысы. Время от времени они проносились на бреющем прямо над нашими головами. Летали они так быстро и так часто хлопали крыльями (очень похоже на летучих мышей), что я не разглядел толком, что за твари. Зато обратил внимание: птичья мелочь, жизнерадостно звеневшая вокруг, внезапно примолкла. Лакомка вскочила и яростно зарычала. Я поступил проще: поднял камень и, улучив момент, метнул в пикирующую тварь. Попал, к моему собственному удивлению.

Тварь шмякнулась прямо к моим ногам. Лакомка тут же прижала ее лапой, но в этом не было необходимости: тварь даже и не пробовала взлететь – только слабо подергивалась.

Вторая тут же набрала высоту и смылась.

Я поднял свою добычу за перепончатое крыло. Надо же – птеродактиль! Небольшой, размером с крупного орла, покрытый нежно-голубоватой шерстью снизу и темно-зеленой – сверху. Длинная пасть усеяна мелкими зубами, на лапах – вполне приличные когти.

Осмелевшая Марфа просунула голову и попыталась клюнуть поверженного врага.

– Кыш, трусиха! – сказал я.

Марфа обиделась и отошла. Я опустил птеродактиля на травку. Что-то мне в нем не нравилось. Что-то было не так. Что?

Я задумался. Мои звери мне не мешали. Зато снова оживились птицы. Вот! Вот оно! Я внезапно понял, что мне не нравится. Птицы. И птеродактиль. Вместе! О таком я никогда не слышал, зато слышал о совсем обратном: эволюционные слои никогда не пересекаются. Или по планете бродят динозавры, или ее фауна состоит из зверей и птиц. Почему – неизвестно, но до сих пор на всех открытых Землях было именно так. М-да…

* * *

Да, Земель оказалось немало. Причем все они примерно соответствовали Земле-Исходной. Климатом, атмосферой, отчасти даже животным миром. Иными словами, были вполне пригодны для жизни. Но попасть туда могли далеко не все. Тех, кто мог, назвали Мастерами Исхода.

Забавно, что первым Мастером Исхода оказался человек, совершенно к этому делу не подготовленный. Более того, у него и Дара настоящего не было. Однако он ушел на одну из Земель – и вернулся обратно. Причем вернулся не один, а с

подругой, рожденной на другой планете. Звали героя Артем Грива. Каким образом ему это удалось, мало кто знает. Я в число знающих не вхожу. Зато я знаю, что его сын, Владимир Грива, мой тезка кстати, оказался самым настоящим Мастером. И именно в России возникла первая Школа Одаренных.

Не потому, что кто-то узнал, что сулит человечеству Исход. Просто семья Владимира Гривы стояла у вершин российской власти и имела немалые заслуги перед тамошним обществом.

Свой первый Исход Владимир Грива совершил в тридцать восемь лет. Поздновато, но не следует забывать, что он был первопроходцем. Следует отдать должное также его храбрости и удаче, ведь в то время не было Искателей, не было Слушающих… Словом, первый Мастер кинулся в Исход – как в омут с обрыва.

Вернулся он пять лет спустя. Его узнали не сразу: вместо того чтобы постареть, он стал моложе на двадцать лет. Впрочем, вовремя вспомнили, что его отец когда-то тоже радикально помолодел.

Сенсация кипела во всех новостных порталах почти целую неделю, потом понемногу начала затихать. Секрет молодости одного человека, пусть даже наследственный, зрителей гало интересовал слабо. Вот если бы – для всех…

Следующий Исход Владимир Грива совершил через три года. За это время он не только восстановился, но и успел узнать историю пропавшего китайского монаха. Того самого, что основал когда-то секту «Небесные врата». Я слыхал, что один из друзей его отца был ее членом. Так или иначе, но во второй Исход Владимир Грива ушел уже не один, а с ближайшими родственниками: отцом, матерью и младшим братом – тоже Мастером Исхода, но латентным – и с тем самым однокашником отца из «Небесных врат». Так Владимир Грива стал Пророком.

Через три года они вернулись. Биологический возраст всех пятерых соответствовал шестнадцати-семнадцати годам.

Вот тогда и начался настоящий бум. Все человечество возжаждало уйти.

Пыл немного охладел, когда стало известно, что в процессе перехода в обе стороны неизменно терялись все материальные ценности: от зубных протезов до вшитых чипов, не говоря уже об одежде и кредитных картах. А какой «цивилизованный» человек способен отказаться от удобств личного входа в информационную сеть, системы универсальной доставки и услуг пластической стоматологии ради сомнительного удовольствия жить в шалаше и дышать некондиционированным воздухом? Тем более что возвратившиеся не скрывали – выжить на новой Земле непросто. И можно запросто закончить вновь обретенную молодую жизнь, корчась от укуса какой-нибудь ядовитой гадины.

Интерес к «возвращенцам» упал так же стремительно, как и вырос. К тому времени, когда Владимир Грива достаточно восстановился (успев за это время основать первую Школу Одаренных), количество желающих уменьшилось в тысячи раз. Но оставшихся все же было немало. Десятки тысяч.

И тут оказалось, что существует еще одно препятствие: чтобы уйти в Исход, требовалось безграничное доверие к Мастеру.

К счастью, к тому времени авторитет и харизма Владимира Гривы были столь велики, что в следующий Исход он увлек с собой четыре тысячи человек. И создал первую Колонию.

Вот так всё и началось.

* * *

Пляж был песчаный, белый и пологий. Длинные неторопливые волны, зеленоватая вода – до самого горизонта.

Песок жег пятки. Тем приятнее было прикосновение прохладной воды. Мишка следом за мной вразвалочку подошел к кромке прибоя, лизнул набежавшую волну, кивнул массивной головой. Я тоже попробовал: обычная морская вода. Соленая. Во влажном песке что-то блеснуло. Неужели стекло? Вряд ли. Скорее, кусок кварца.

Я поднял угловатый камешек. Надо же! Алмаз!

Размахнувшись, я швырнул его подальше… Поверхности он не коснулся: из воды выметнулась серебристая рыбина и схавала камешек на лету. Это заинтересовало Мишку. Он вошел поглубже, привстал, высматривая добычу. Рыбку Мишка любит.

Солнце висело почти в зените. Я примерно прикинул склонение, время… Очень немного знал я об этой планете. Но знал, что она не совсем обычная. Главным отличием от прочих Земель было то, что ее ось вращения не имеет наклона. Следовательно, годовые температурные колебания здесь относительно невелики. Судя по температуре и солнцу, я сейчас находился где-то в экваториальной или тропической зоне. Переселенцы, насколько мне известно, обосновались в зоне «вечной весны», то есть умеренного климата. В Северном полушарии. То есть в самом лучшем случае от меня до них – несколько тысяч километров.

А если я приземлился на другой половине «шарика», то в три раза дальше. Это по прямой. Но по прямой из нас четверых может передвигаться только Марфа. Так что даже в лучшем случае нам предстоит неблизкое путешествие. От пятисот до тысячи дней пути по более или менее приличной дороге. Вот только подобных дорог в окрестностях что-то не наблюдалось.

Я уселся на влажный песок и задумался. Лакомка бесшумно подошла и улеглась немного поодаль, так, чтобы волны не доставали. В отличие от Мишки, она недолюбливала воду.

Итак, что мне известно о данной планете?

* * *

Наши Искатели промыслили эту Землю лет десять назад, но ничего толком разобрать не сумели, кроме того, что это – Земля и, соответственно, условия жизни на ней подходящие для человека.

Еще через пару лет относительно молодой Пророк по имени Шу Дам начал готовить Исход. Эта Земля показалась ему подходящей, поэтому еще через шесть лет (Исход – дело серьезное) Шу Дам скомплектовал группу из полутора тысяч последователей (не так уж мало для молодого Пророка) и, после

двухгодичной подготовки, ушел в Исход.

Предполагалось, что года через три он восстановится достаточно, чтобы совершить обратный Исход и вернуться в Центральную Сибирь с полным комплектом сведений. Трех лет обычно хватало, чтобы колония успела создать инфраструктуру, наладить кое-какую промышленность, укрепиться и собрать подробную информацию о планете: ее потенциале, местонахождении и перспективах развития. За следующие двадцать пять—тридцать лет население колонии увеличивалось раза в три-четыре за счет естественного прироста и еще процентов на пятьдесят – за счет новых колонистов из тех, кто не хотел или не мог начинать с шалашей и кремневых топоров, а желал сразу получить минимальные блага цивилизации, даже за счет будущего ущемления в гражданских правах. Обычно это были родственники первых колонистов.

Если все шло гладко, как, например, это происходило на моей родной планете, то лет через пятьдесят колония формировала собственную теократию, а то и несколько – по числу самостоятельных государств, и «выращивала» собственных Мастеров Исхода, Искателей и Слушающих, после чего «встраивалась» в общую сеть и начинала поиск собственных Земель.

Так происходило, если всё шло гладко. Но – не всегда. Бывало, что колония хирела и чахла, колонисты уменьшались числом, тонули во внутренних разборках – и дело кончалось полной эвакуацией и рассредоточением по другим мирам. Бывало, что за полсотни лет на планете не рождалось никого с данными Мастера Исхода, и в этом случае колонию тоже переселяли, поскольку иначе ей грозила полная изоляция.

В общем, причин, по которым поселенцы сбивались с праведного пути, было много. Природные катаклизмы, эпидемии, вспышки немотивированной агрессии – болезни, от которой человечеству так и не удалось избавиться до конца. Для подобных случаев и существовала служба Спасателей, которые при необходимости могли выступать в качестве миротворцев, эвакуаторов, а то и, не дай бог, просто могильщиков.

Но до сих пор (во всяком случае, это касалось нашей Земли) деструктивные процессы в новой колонии начинались уже после того, как осуществивший Исход Пророк покидал планету.

Все-таки авторитет Пророка среди его последователей очень высок.

Нынешний случай можно было назвать чрезвычайным. И необъяснимым.

Однако ни у кого не было сомнений, что на планете случилась настоящая трагедия.

Так что ничего хорошего я не ждал.

Но пошел. Наша Теократия сочла меня наиболее подходящим, так что выбора у меня не было. То есть я имел право отказаться…

Однако еще не было случая, чтобы Спасатель отказывался от миссии, а мне вовсе не хотелось стать первым струсившим.

* * *

Тень от воткнутой в песок палочки сместилась и чуточку укоротилась. Ага, берег, на котором мы сидим, обращен к полюсу. Правда, неизвестно, к Северному или к Южному.

Если к южному, то нам – в другую сторону. Если к северному, то нам прямо. То есть по направлению к горизонту. М-да… Надо бы хоть на местности определиться.

– Марфа! – позвал я.

Поганка даже не отреагировала. Сидела на верхушке белого камня и делала вид, что спит.

– Марфа! Наверх!

Ноль реакции.

Лакомка поднялась, стряхнув песок, и подкралась к пернатой бездельнице. Шлепок – и Марфа, шумно хлопая крыльями, взмыла в воздух, а затем плавными

кругами пошла вверх, забирая в сторону моря. Моя птичка не забыла о зубастых ящерах. Интересно, что она обнаружит?

До Исхода я мог бы, сосредоточившись, увидеть мир ее глазами, но сейчас мои способности равнялись нулю.

После Исхода всегда так.

Сознанию и тому, что вне сознания, требуется время, чтобы установить контакт с Высшим чужого мира. Нечто вроде акклиматизации. Почему так происходит, никто толком не знает, но это абсолютно точно никак не связано с каким-нибудь там «накоплением маны». Скорее, это похоже на восстановление работы мускулов после длительной неподвижности.

Хотя я не теоретик. Я практик. Меня больше интересует, что можно, а что нельзя, а не – почему можно или почему нельзя.

Марфа вернулась довольно быстро. Плюхнулась на песок, уставилась на меня. Глупая птица не могла взять в толк, что я больше не читаю в ее птичьих мозгах. Я хлопнул в ладоши, изобразил пальцами: покажи, что видела. Простейшим сигналам я ее обучил заранее.

Марфа встрепенулась, двинулась вразвалочку по песку, описывая некую кривую. Метров через десять развернулась и двинулась в обратную сторону. Получилось нечто вроде полумесяца. В завершение моя орлица чиркнула лапой поперек, обозначая место, где мы сейчас находились. Так, целый мешок радости. Выходит, мы на острове. То-то так легко к морю вышли.

– Молодец! – похвалил я. – А еще где-нибудь землю видела?

Марфа втянула голову в плечи: не видела.

– Надо искать, – сказал я. – Ищи, Марфа. Там! – Я махнул в сторону моря.

Птица, склонив голову, скептически уставилась на меня.

– Надо, Марфа, надо! Давай!

Наша разведчица сообразила, что увильнуть не удастся.

– Мишка, – крикнул я. – Хватит дурью маяться! Пошли владения осматривать!

Островок оказался небольшим: километров шесть в длину. Похоже, вулканического происхождения. Самыми крупными животными здесь были те ящерицы, которыми мы позавтракали. Птеродактили, так напугавшие Марфу, больше не попадались. На острове имелось два источника воды, несколько сортов плодовых деревьев и очень перспективная бамбуковая роща. Собственно, это был не совсем бамбук, но для наших целей он определенно годился. А цель у меня была простая: соорудить катамаран. Марфа углядела на север-северо-востоке (я решил исходить из того, что мы в Северном полушарии) еще один остров или даже несколько, я толком не понял. До него, насколько можно было судить, километров сто, то есть вполне приемлемое расстояние.

В любом случае, выбор у меня был небогатый: или плыть, или сидеть на острове несколько лет, пока не восстановятся способности к Исходу. Второй вариант я счел позорным, и мы дружно взялись за работу.

На изготовление катамарана ушло трое суток. Если бы не Мишка с Лакомкой, я, со своими хилыми каменными орудиями, провозился бы не меньше месяца. В качестве креплений мы использовали лианы и ремни из кожи ящериц.

Осмелевшая Марфа убила несколько птеродактилей. Из их крыльев я сначала хотел сделать парус, но потом передумал и сшил мешки для провизии и набедренную повязку. Еще изготовил лук и несколько дюжин стрел с костяными наконечниками. Тетиву сплел из сухожилий. Их же использовал вместо ниток. Много провизии брать не стали. Марфа показала себя отличным рыболовом, а рыбы в здешнем море-океане было полно. Воду я тоже запас лишь на себя и Лакомку. Мишке и Марфе должно было хватить рыбьего сока. Катамаран получился здоровенный, грузоподъемностью тонны в полторы. Для паруса использовали ящеричьи шкуры, и получился он небольшим. Ящериц на острове уже почти не осталось. Зато у нашего катамарана был мотор. Мотор назывался «Мишка». С «мотором», в безветрие, катамаран развивал скорость аж в два узла, а с попутным ветром и того быстрее. Имя нашему судну было присвоено «Дерзость», хотя более подошло бы «Авантюрист».

Тем не менее на четвертые сутки мы покинули гостеприимный островок. Уверен, в этот день все его исконные обитатели вздохнули с облегчением.

На то, чтобы добраться до следующего островка и пополнить запасы воды, ушло еще пять дней. Море было спокойно, наша «впередсмотрящая» Марфа уверенно прокладывала курс, и первый этап путешествия прошел без происшествий. Следующий этап – тоже, если не считать того, что Мишку едва не сожрала тварь, похожая на помесь крокодила и косатки и не уступавшая последней размерами. К счастью, Мишка успел вскарабкаться на настил, и тварь, оказавшаяся довольно глупой, потеряла к нам интерес и уплыла. Однако Мишка еще часа три боялся лезть в воду.

Следующую остановку мы сделали на небольшом островке. Чуть-чуть разнообразили рыбную диету мясом и фруктами. Катамаран держался молодцом. Я тоже. Особенно приятно было то, что у меня вроде бы начали восстанавливаться способности: я стал чуточку «чувствовать» своих друзей. Хотя, возможно, я просто привык жить «глухонемым».

* * *

Идея брать с собой в Исход животных возникла практически сразу же. Никаких проблем не возникло. Животное совершенно спокойно следовало за своим хозяином, Мастером Исхода. Очень кстати, особенно на первых порах, когда у Мастера не было ничего, кроме собственных мускулов.

Однако еще лучше, если спутником Мастера станет не просто собака или лошадь, а нечто более разумное и эффективное. Ключом к этому был геном. В Исход нельзя было взять даже носовой платок. Но геном сохранялся полностью. Причем даже в том случае, если изменения были внесены уже после рождения индивидуума. Науке пока не удалось узнать механизм Исхода. Результат наблюдали многократно. Практически мгновенная «материализация» человеческого тела. Из ничего. Законы сохранения – побоку. Чуть позже (в пределах четверти часа) – «одушевление» материи. В первые минуты тело представляло собой «пустышку». Сердце и все прочие внутренние органы работали, но – никакой мозговой активности. Это было установлено точно. Так же точно было определено: именно спиральки ДНК являются основой «физической сборки» на финальной стадии Исхода.

Как только это выяснилось, генная модификация стала едва ли не самой приоритетной отраслью науки.

На Земле-Исходной в основном занимались теорией – там еще свежи были воспоминания о феномене спонтанной деструкции.

А вот на иных Землях с геномами экспериментировали вовсю. Причем не только с геномами животных, но и с человеческими.

Правда, идеологическое обеспечение этих экспериментов очень существенно изменилось. Исследования велись исключительно под контролем Одаренных. Как правило, опытных Логиков-Интуитивов, способных промыслить все последствия и убедиться, что эксперимент не выйдет за рамки допустимого и не нарушит Равновесия, установленного Высшим.

Результат этой работы – мои модифицированные кости и мышцы. И мои друзья: Мишка, Лакомка и Марфа.

Вообще-то, моя тройка – почти стандартная команда Спасателя. Особенно удачным считаются модифицированные медведи. К сожалению, закрепить их как породу практически невозможно. Селекционерам приходится поддерживать сразу несколько линий, и только один детеныш из сотни оказывается наделен полным комплектом достоинств. Достоинств явных, вроде силы, выносливости, неприхотливости и поразительного ума. И – достоинств скрытых, таких как умение распознавать яды или безукоризненно чувствовать направление. Есть особи более удачные, есть – менее. Лично я считаю, что мой Мишка – лучший.

Глава третья

«Киты»

На одиннадцатый день плавания случилось нечто, повергшее меня в полную растерянность. Нет, на нас никто не напал, и погода по-прежнему оставалась прекрасной. Но прямо по нашему курсу, хотя и довольно далеко, я увидел фонтан. А потом еще один. Сначала я просто не поверил своим глазам: решил,

оптическая иллюзия. Погода жаркая, над водой – марево… Привиделось. Но через некоторое время я видел целых три фонтана, уже не строго впереди, а несколько левее. И ближе. Черт меня подери! Неужели киты?

Птицы и птеродактили – это еще куда ни шло. Но птеродактили и млекопитающие? Причем высокоразвитые…

Посылать Марфу на разведку было бесполезно. Смотреть ее глазами я смогу еще не скоро, а получить внятную информацию от этой ленивой помеси кондора и гуся не представлялось возможным.

В конце концов, почему я решил, что фонтан, даже очень характерный фонтан, – это обязательно кит? Может быть, какой-нибудь подводный гейзер? Или еще какая-нибудь хренотень?

Следующий «выброс» произошел менее чем в двухстах метрах от нашего плота, и от версии «подводного гейзера» пришлось отказаться. Гейзеры не перемещаются.

Я подозвал Мишку, дождался очередного «выплеска» и предложил ему сплавать – поглядеть, что это за диво?

Мишка отказался наотрез. Так решительно, что я не рискнул настаивать, хотя и подозревал, что он просто не может забыть зубастое чудище, чуть им не пообедавшее. Но один полезный вывод из Мишкиного поведения можно было сделать: мой медведь полагал, что фонтаны – не природное явление, а следствие жизнедеятельности живых существ очень приличных размеров.

К сожалению, вернее к счастью, наши курсы не пересеклись. Самый близкий фонтан вырос над морем более чем в сотне метров от нас. Зато я услышал сопровождающий его звук. Очень знакомый.

И, чтобы у меня вовсе не осталось сомнений, мне был продемонстрирован хвост: две характерные лопасти на мощном стебле. Горизонтального, а не вертикального, как у рыб, расположения. Значит, все-таки киты?

Будь это на моей родной планете, я бы нисколько не удивился. Китам свойственно мигрировать в теплые воды. Для спаривания, я полагаю. В холодной воде с этим делом могут возникнуть трудности. Так что киты в тропических водах – нормально. Но если вспомнить о полном отсутствии млекопитающих на островах… Бог, конечно, всемогущ, но вряд ли он сотворил тут китов, позабыв о крысах.

Я размышлял об этом до самого вечера (благо, делать мне всё равно было нечего), а к вечеру меня осенило.

Почему обязательно млекопитающие? А если это какие-нибудь гигантские ихтиозавры? Они ведь тоже дышали (или дышат?) воздухом. И у них – такой же горизонтальный хвост. Так почему бы им не пускать фонтаны, как каким-нибудь кашалотам или блювалам?

Эта разумная идея меня несколько успокоила. Очень не люблю нестыковок. Есть такой негласный закон Спасателей: любая несообразность чревата неприятностями.

Глава четвертая

Материк

Вот так, от островка к островку мы наконец добрались до материка. Высадились в уютной бухточке, вскарабкались по крутому откосу – и оказались в довольно сухом смешанном лесу из тех, где солнечный луч касается земли, только если падет один из древесных великанов.

Мои звери заметно оживились, особенно Лакомка, которая терпеть не может воду. А вот Марфа была недовольна. Она любит простор: степь, море – всё равно. Здесь же, в переплетении ветвей, ей было не развернуться. Марфа, нахохлившись, ехала на спине у Мишки и мрачно косилась на местную фауну.

Интересная здесь была фауна. Множество всевозможных птиц самых ярких расцветок, полно лягушек, пауков, крабов, а также ящериц, змей и прочих

пресмыкающихся всех расцветок и размеров. Я заметил и нескольких птеродактилей, небольших, размером с крупного попугая.

И – ни одного зверя. Ни обезьян, ни крыс, которые кишмя кишат в джунглях моей родной планеты. Если бы не птицы, я бы решил, что здесь царят динозавры. В нашей базе данных были сведения о нескольких подобных планетах. Правда, там же было сказано, что ни на одной из них не удалось создать колонии. И еще я знал, что на этой планете динозавров быть не должно. Не стал бы Пророк совершать Исход на планету динозавров.

Или он ошибся?

Или ошиблись Искатели?

Или ошибся я сам: угодил совсем не туда, куда следовало?

Внезапно Мишка, бежавший впереди и прокладывавший путь среди молодой поросли, резко остановился и заревел. Шерсть на его могучем загривке встала дыбом. Марфа захлопала крыльями и хрипло заорала.

Я моментально подался в сторону и наложил стрелу. Лакомка обогнула Мишку, просочилась между стеблями и исчезла из виду. Мишка еще раз взревел… и попятился.

В следующий миг я увидел его противника. Больше всего это было похоже на раскормленного крокодила. Метровой длины пасть, полная торчащих во все стороны зубов, кривые когтистые лапы. Спина чудовища, покрытая буграми и шипами, была шириной с Мишкину, но раза в полтора длиннее. Мишка отодвинулся еще на пару метров назад. Тварь наступала. Мишка покосился на меня: напасть? Я мотнул головой.

Но тут чудище напало само. Я даже не ожидал от него такой прыти: оно подскочило сразу на всех четырех ногах и, распахнув пасть почти под прямым углом, попыталось ухватить Мишку за морду. Мишка еще проворнее отскочил, а я послал стрелу прямо в зубастый чемодан. Промахнуться было невозможно. Стрела исчезла в разверстой глотке, пасть захлопнулась со звуком врезавшегося в щебенку экскаваторного ковша. Зверюга остановилась. Вид у нее был удивленный. Возможно, она рассчитывала, что в ее желудок попадет что-то

более солидное, чем бамбуковая палка с костяным наконечником.

Следующую стрелу я вогнал в выпученный глаз.

А вот это «крокодилу» совсем не понравилось. Однако, вместо того чтобы обрушиться на меня или Мишку, тварь с невероятной быстротой завертелась на месте.

Хряп! Мишка изловчился и вмазал «крокодилу» по «переносице». Раздался отчетливый хруст, Мишка увернулся от толстого хвоста, подпрыгнул (внушительное зрелище!) и всеми четырьмя лапами обрушился на плоскую голову чудовища. На этом битва закончилась. «Крокодил» подергался некоторое время и издох. Мишка, поднатужившись, перевернул его брюхом кверху. Брюхо было нежно-розового цвета. Еще один удар когтистой лапы… И мерзкая вонь ударила мне в нос.

Не стали мы это есть. Даже не брезгующая падалью Марфа. Зато «крокодильи» зубы я, с Мишкиной помощью, извлек и собрал в мешочек: на наконечники.

Дальше мы шли без помех. До самого водопада.

Прекрасное зрелище. Стометровая стена воды, с ревом и грохотом падающая на каменные зубцы и взрывающаяся радужным фейерверком. А чуть дальше – прозрачное гладкое голубое зеркало. К сожалению, стометровая черная отвесная скала, с которой так красиво низвергался водопад, вздымалась как раз на нашем пути. Такое ощущение, словно часть земной поверхности вдруг осела вниз, образовав гигантскую ступень. Сверху – лес, снизу – тоже лес.

Я очень внимательно изучил скалистую стену с обеих сторон водопада. В некоторых местах каменная плоскость была вертикальна, а кое-где наклон был даже отрицательным, но эти «лбы» можно было и обойти. Пожалуй, я мог бы подняться даже без горного снаряжения.

Но только я. Даже Лакомке, которая без труда взбиралась на дерево со мной на спине, я не разрешил бы лезть вверх без страховки. Не говоря уже о Мишке.

Придется искать обход. Ничего, найдем. Это ведь не труднее, чем переплыть океан на бамбуковой самоделке. Пошлю Марфу – она быстренько отыщет подъем поудобнее.

Но не сегодня. Сегодня пора искать место для ночлега. Судя по размеру глаз крокодилоподобной твари, ее родичи выходят на охоту после заката. А в нашей компании только Лакомка предпочитает темноту дневному свету.

Место для ночлега нашли в скале. Довольно длинную трещину, сужающуюся у входа так, что Мишка еле протиснулся. Но это было и хорошо. Значит, не пролезет кто-нибудь покрупней. Я еще не вполне уверился, что попал в мир динозавров, но похоже, это было именно так. Мишка могуч. На моей планете нет зверя, с которым он бы не совладал. Но супротив динозавра в десять тонн весом он не потянет. Не та весовая категория.

Что же все-таки стряслось со здешней колонией?

* * *

Всё, что мне было известно, так это то, что Слушающие, чьей обязанностью было периодически промысливать новообразованные колонии моей родины, совершенно неожиданно поймали «смертный крик» Пророка. Это было ЧП. Не то чтобы мы никогда не умирали, вовсе нет. Меня, например, довольно легко убить. Сразу после Исхода это может сделать даже ребенок. Да и в течение следующего года я немногим сильнее обычного натренированного вояки. Потому и сопровождает нас обычно не команда людей, таких же беспомощных, а разное модифицированное зверье, способное при нужде оторвать голову льву.

Однако Дар постепенно восстанавливается. А вместе с Даром, дающим возможность Одаренному постигать и соединяться с Высшими Силами, Одаренный (в меру своего Дара) обретает собственную Силу, которая (опять-таки в гармонии с Даром) позволяет нам в той или иной степени вникать в окружающий мир и во всё, что его составляет. А у тех, чей Дар обладает активной составляющей (теле– и пирокинетиков, активных эмпатов и телепатов и, разумеется, у нас, Мастеров Исхода), появляется возможность физически воздействовать на реальность.

Поэтому, чтобы убить Мастера Исхода (тем более – Пророка), восстановившего силы, не хватит и дюжины львов. Он просто не позволит им себя убить. Да они ноги ему будут лизать, если он пожелает. Конечно, в отличие от Даруемого свыше Единства с Сущим, не имеющего границ и пределов, собственная, так сказать, личная Сила Одаренного весьма ограниченна и стремительно слабеет по мере удаления от объекта воздействия.

Тем не менее даже частично восстановившийся Мастер внушит дикий ужас любому хищнику раньше, чем тот приблизится на расстояние эффективной атаки.

Слушающие, поймавшие «смертный крик», не могли оценить Силу погибающего Пророка. Их Дар, как сказано выше, другой природы. Но эмоционально-деструктивная составляющая «крика» была так велика, что Слушающие даже не сразу поняли, что именно они промыслили. Зато очень четко уловили, откуда пришел «крик» и кто именно «кричал».

Пророк Шу Дам.

Глава колонии Центральной Сибири на новой, пока еще безымянной Земле.

Пророк, у которого было достаточно времени, чтобы полностью восстановить свой Дар.

По такому случаю вмиг был собран Малый совет теократов.

Меня там, разумеется, не было – рылом не вышел. Со всеми материалами я познакомился позже. Впрочем, материалов было немного. После двухчасовых дебатов Мудрые решили прибегнуть к совместной медитации. Подобного не случалось со времен «Островной» войны с Южной Теократией Чуань. Тогда результатом медитации было найденное компромиссное решение, после которого война и закончилась. Я понимаю, почему Мудрые так забеспокоились.

Срок жизни, вернее, возможность омоложения человека (неважно – Одаренного или обычного) определяется его способностью уйти в Исход. Обычному человеку для того, чтобы уйти, требовался Пророк. То есть Мастер Исхода с достаточно

мощной харизмой, чтобы увлекать за собой других. От этих других требовалось лишь проникнуться к нему любовью или, по крайней мере, «слепой» верой. С возрастом (реальным, а не биологическим), как это ни печально, человек понемногу теряет как способность безоглядно любить, так и способность так же безоглядно верить. В итоге рано или поздно обычный человек уже не мог последовать за Мастером в Исход, и ему оставалось надеяться только на достижения медицины. В отличие от большинства, Одаренные, в силу своего Дара и, следовательно, твердой связи с Высшим, эту способность утратить не могли. Но для Исхода им все равно требовался Мастер. А самому Мастеру для Исхода не нужен был никто. Только единство с Высшим и вчувствование в ту Землю, на которую он отправлялся. Поэтому даже среди Одаренных Мастера Исхода были самыми почитаемыми. И управляли Теократиями в основном именно они. И в Советах Мастеров Исхода было втрое больше, чем Логиков-Интуитивов.

Старые Мастера жили долго и насыщенно.

Достаточно раз в тридцать—сорок лет совершать «паломничество» на одну из близких по этносу и религии освоенных земель (туда, где уже не подстерегают всевозможные опасности) – и Мастер снова становился молодым. А через два-три года, когда к нему полностью возвращался Дар, Мастер мог вернуться на родную Землю. А мог и остаться. Место в Совете Теократии, среди таких же старых и опытных Мастеров Исхода, ему было обеспечено.

Вот почему прожившие пару-тройку веков и выбравшие относительно безопасные занятия Мастера считали себя практически бессмертными.

А тут такое! То, что способно убить Пророка, Главу Колонии, спустя два года после Исхода, то есть практически полностью восстановившегося, могло угрожать любому из них. Вот почему «мудрые» просто сгорали от желания узнать, как было дело.

Но ничего не узнали.

Медитация длилась почти пять суток (часть членов Совета пришлось искусственно подкармливать), но результат ее был еще более обескураживающим, чем начальная информация.

Оказалось, что Мастер Исхода Шу Дам не просто умер. Оказалось, что смерть его была мучительна и почил Шу Дам не по собственной воле (такое бывало), а по воле чужой. И последний выплеск был, по сути, отчаянной попыткой уйти в Исход. Неудачной попыткой.

И когда Совет вынужден был признать свое бессилие, пришла очередь Спасателя. Перебрав несколько кандидатур, теократы выбрали меня. Честь, от которой хочется отказаться. Я уже был достаточно опытен, чтобы это понимать. Равно как и то, что отказаться нельзя.

Глава пятая

Земля-исходная

Первый раз я ушел в Исход, когда мне исполнилось шестнадцать. Считалось, что в более раннем возрасте Исход может повредить способностям будущего Мастера. Ушел не сам, а следуя за Пророком, зато не куда-нибудь, а на Землю-Исходную.

Следующие полгода, весну, лето и часть осени я жил в одном из монастырей близ русского города Пскова. Молитва, работа, трапезы и посты. Раз в неделю – беседа с настоятелем о преимуществах Православной веры. Настоятелю не сказали, что я – потенциальный Мастер Исхода, а сам он этого определить не мог, поскольку был обычным человеком, и человеком очень неплохим: мудрым, добрым и искренне верующим.

К сожалению, он относился к той части христиан, которые не считали возможным использовать Исход для продления жизни, полагая, что Бог дал человеку одну жизнь и именно эту жизнь следует прожить как подобает. Ради жизни Вечной. Тогда, мальчишкой, я был с этим категорически не согласен, но уже достаточно соображал, чтобы держать язык за зубами. Временами мне было просто жаль «наивного и старомодного дедушку».

Теперь-то я понимаю, что настоятель был вовсе не наивен. Он видел и чувствовал многое, недоступное шестнадцатилетнему сопляку даже с

экстраординарными способностями. Не говоря уже о том, что столь верующий человек просто не способен последовать не за Богом, а за человеком, пусть даже и наделенным необычными способностями.

В общем, эти полгода тоже пошли мне на пользу. Тем более что в сравнении с тренировками, которыми – в прямом смысле с колыбели – изнуряли меня учителя и инструкторы, монастырская жизнь казалась чуть ли не бездельем.

Наверное, нечто подобное чувствовал в древние времена юный ниндзя, которого отправили в храм с поручением подметать лестницу. После критических нагрузок, после кошмарных упражнений по укреплению костной ткани пропалывать грядки и выгребать навоз за «экологически чистыми» коровами – чистое наслаждение. Мне приходилось втихую нагружать себя «настоящей» работой, чтобы мои мышцы, кости и внутренности не забыли, к чему их готовили.

Потом меня забрали и отвезли в Подмосковье. Там был самый крупный в России центр, где обучали Одаренных.

Позже был гималайский поход, едва не закончившийся для меня плачевно.

Но я выжил, оклемался (на это потребовался целый год) – и мною, наконец, занялись всерьез.

Следующие три года из меня вытесывали металло-керамическую статую под названием «Мастер Исхода», попутно накачивая знаниями и навыками.

Потом был еще один Исход в качестве ученика Пророка. В миленькое местечко, которое потом назвали Альбионом Третьим. Там я нарабатывал практические навыки формирования колонии, когда усилиями трех тысяч голых людей создавалась первоначальная база: основы промышленности и сельского хозяйства. Ибо сказал Господь: «Плодитесь и размножайтесь!» И предоставил человеку шикарную возможность реализовать это право… «В поте лица своего».

С Альбиона на Землю-Исходную я вернулся самостоятельно.

Теперь мне предстояло возвращать долги.

На Земле-Исходной ничего не делали даром. Единственная планета, где государства не были теократиями и где сохранили все нюансы и особенности национальных культур и все многообразие вер и обычаев. Планета, принимавшая ежедневно не менее миллиона «посетителей» с сотен Земель, беспощадно эксплуатировала своих гостей и не уступала задаром ни крохи своих знаний, своей культуры – нематериального, но весьма ценного «богатства». Колонии, даже полностью обособившиеся, не возражали. Земля-Исходная была своеобразной Меккой. Но Меккой изрядно перенаселенной и почти полностью истощившей собственные ресурсы. Планета, где никель добывали с глубины пять километров, а энергию – со стратосферных «солнечных парусов», не могла на халяву обеспечивать несколько миллиардов «гостей», которым нечем было расплатиться, кроме всё тех же знаний. Или собственных рабочих рук.

Меня ожидала работа Спасателя. В спасательной службе России, поскольку моя родина считалась «продолжением» России, и именно здесь я получил «высшее» образование.

Я честно отслужил восемь лет, совершил два рейда, причем в первом едва не погиб и потерял всю свою первую команду. Из второго я возвратился уже не на Землю-Исходную, а домой, в Центральную Сибирь.

Исход на эту «неправильную» планету был первым, который я совершил с родины.

Глава шестая

Плато чудовищ

Ночь прошла спокойно. Приглушенный гул водопада действовал успокаивающе. Я проснулся лишь однажды – когда вернулась с охоты Лакомка.

Пантера приволокла что-то съедобное, и мое зверье устроило маленький пир.

Под эти-то приятные звуки я снова уснул.

Утром я первым делом отправил Марфу на разведку. Объяснить, что он нее требуется, оказалось делом непростым. Только с помощью Лакомки удалось растолковать туповатой птице, что ей нужно найти. Нет, насчет туповатой я неправ. По части сообразительности Марфа дала бы десять очков форы даже ворону. Я бы даже сказал, что ее сообразительность где-то на уровне двухлетнего ребенка, если бы ее способ мышления не отличался принципиально от человеческого. Чтобы развить мозг животного, такого как Лакомка или Мишка, требовалась не только филигранная работа генных инженеров, но – и это главное – воспитание Мастером-эмпатом. Таким как я. Фактически, в каждого из своих зверей я «вложил» частичку себя, научил их мыслить «по-моему», по-человечески. Но то – звери. С птицей подобное не прошло. У нормальной птицы «мышление» намертво завязано со способностью летать. Вот и Марфа «мыслит» крыльями и глазами. Ей можно показать фотографию, где указана цель, и птичка запросто отыщет то, что нужно. Когда мои способности восстановятся, общаться с Марфой станет очень легко. Ей достаточно мысленно «показать» картинку – и задание понято. «На пальцах» же я еще кое-как могу объяснить Марфе простейшие вещи вроде «воды» и «суши». Но как растолковать понятие «удобный подъем» существу, для которого нет разницы между отвесной скалой и пологим подъемом?

Кое-как, на пару с Лакомкой, чьи эмпатические способности восстановились быстрее моих, мы «вразумили» Марфу и отправили на разведку. А сами предались безделью. Точнее, отправились купаться. Еще точнее, купались мы с Мишкой. Даже устроили соревнование: кто дольше просидит под водой.

Меня научили самостоятельно держаться на воде в четыре месяца. В возрасте девяти лет я освоил технику «медленного дыхания», вчетверо удлиняющего дыхательную паузу.

Мишку «водным искусствам» никто не учил. Тем не менее он выиграл, а я, соответственно, проиграл.

Лакомка все это время сидела на берегу и взирала на нас с большим неодобрением. Разыгравшийся Мишка окатил ее водой. Лакомка обиделась и объявила охотничью забастовку. Пришлось позавтракать фруктами.

* * *

Вообще-то я очень люблю своих зверей. Больше, чем кого-либо из двуногих сородичей. Они не просто друзья. Они – моя семья. Моя единственная настоящая любовь.

Я знаю, о чем говорю, потому что однажды, еще до первого Исхода, я полюбил одну девушку. Но… Я ушел в Исход, а она осталась. Вновь мы встретились через шестнадцать лет. К этому времени у нее родился сын. Мой сын, который выглядел моим ровесником.

У Спасателей не бывает человеческих семей. У меня масса приятелей и подруг на всех планетах, где я побывал. Подозреваю, что и детишек у меня изрядно: очень многие девушки просто мечтают родить от Мастера Исхода, надеясь, что ребенок унаследует способности отца. Честно говоря, я их не понимаю. Роль матери в воспитании такого ребенка минимальна. Как только ребенка оттестируют (а это происходит еще в перинатальный период – и уже тогда начинается особая работа по формированию зародыша), мамашу возьмут на особый контроль. После родов вокруг малыша сразу образуется тесный круг из инструкторов, эмпатов и прочих специалистов. А годика в три ребенка у матери вообще заберут. Навсегда.

Я не понимаю таких девушек, зато я прекрасно понимаю государства, которые всячески поощряют подобные настроения. Возможно, непоследнюю роль играет и материальный стимул. За рождение Одаренного матери полагается такая премия, что всю остальную жизнь она может провести бездельничая и купаясь в роскоши. Разумеется, речь идет о развитых Землях. Но и в колониях матери Одаренных не бедствуют.

* * *

Пока ждали Марфу, Лакомка с Мишкой спали, а я занимался сапожными работами. Запарило меня ходить босиком. Неудобно, да и опасно. Моя разведчица вернулась, как раз когда я закончил. Вернулась слегка потрепанная, но очень гордая. Птеродактиль или какая-то другая летучая тварь вознамерилась ею позавтракать. Но позавтракала Марфа. Победа стоила ей нескольких перьев и укушенной лапы. Укус я промыл, а перья со временем вырастут новые. Пустяки. С большим трудом удалось напомнить Марфе, что посылали ее не за приключениями, а с конкретным делом.

«Да, – сообщила Марфа. – Я нашла. Только я очень устала и поэтому поеду верхом». На Мишке то есть.

Мы все знали, что Марфа не столько устала, сколько обожралась. Летать на сытый желудок она страшно не любит. На сытый желудок она предпочитает подремать. Не будь она так труслива, мы бы ее увидели не раньше полудня. Но здесь, в незнакомой местности, когда вокруг шастает и летает столько страшных созданий, Марфа предпочитает дремать поблизости от нас.

Двинулись обычным порядком: впереди Мишка с Марфой на загривке, затем я, Лакомка – замыкающая.

Мишка ломился сквозь заросли, как танк: с хрустом и топотом. При необходимости он мог двигаться так же бесшумно, как Лакомка, но сейчас требовалось обратное: чтобы треск стоял и земля дрожала. Чтобы вся ядовитая живность вроде змей и скорпионов успевала убраться с дороги. Здешних скорпионов я уже видел – твари с ладонь. Чему удивляться, если вчера вечером я убил комара размером с крупную стрекозу. Конечно, у меня приличный иммунитет к ядам и «встроенная» иммунная система, но никакого желания тестировать на себе активные токсины здешней фауны я не испытывал. С этой целью я и сапожки себе сварганил. С подметками из «крокодильей» шкуры. Получилось что-то вроде шиповок, довольно удобно, хотя по здешнему климату – лучше бы сандалии.

Никто огромный и страшный на нас не напал, так что до обеда мы одолели километров двадцать. Когда температура в лесной «парилке» достигла максимума, а на пути попался чистый ручеек – устроили привал. Я подстрелил упитанную птичку, которую и разделил по-братски с Марфой: мне – белое мясо, ей – потроха. Кости, просто чтоб добро не пропадало, схрумкал Мишка. После чего у моей команды наступил тихий час, а я занялся модернизацией стрел. Вместо хлипких костяных наконечников насадил на тростниковые древка зубы «крокодила». Они были довольно мелкие.

Получилось то что надо. Жаль, лук у меня слабоват: бьет шагов на сорок. Вот поймать бы жука покрупнее – было бы дело. Из хитина очень качественные накладки получаются: убойная сила раза в полтора бы увеличилась.

Я вообще лук уважаю. Для охоты лучше не придумаешь. Дальнобойность у хорошего лука получше, чем у ручного лазера, и шума никакого, в отличие от огнестрельных и пневматических стрелялок. Хотя, если здесь водятся динозавры, лучше, конечно, иметь под рукой лазер. А еще лучше – плазменный метатель. Чтобы – «фук!» – и тонн пять слегка обжаренного мяса к вашим услугам. Но – увы! Плазменный метатель – это уже высокие технологии, вакуумная сборка и прочее. Работы лет на тридцать—сорок для большой колонии при условии максимального благоприятствования. Моя же «высокая технология» – это лук и естественное оружие моих зверушек.

«Удобный подъем», который отыскала Марфа, оказался с теми еще удобствами.

Узкая трещина в скальной стене, слегка расширенная водным потоком. Нагромождение валунов, захлестываемых яростной речушкой. Я глянул – даже как-то нехорошо стало. Покосился на Мишку: тот уловил мои сомнения, но, похоже, их не разделил: покивал седой башкой: мол, нормально, командир, сделаем в лучшем виде. А Лакомка только фыркнула и элегантным прыжком переметнулась на ближайший валун. Следующий прыжок – темно-серое гибкое тело окатило пеной, но она уже перелетела на следующий камень, затем – на карниз, с карниза, через буруны, на остроконечный каменный «клык» – и я потерял ее из виду. Мишка пихнул меня головой и тронул лапой вещмешок: мол, пакуй барахло, вьючь – и я пошел.

– Погоди, – попросил я.

Нет, в том, что Мишка поднимется по этому водно-каменному хаосу, я не сомневался. В таких случаях он всегда точно знает, что ему по силам, а что – нет. Он-то взберется, зато я – вряд ли. Пожалуй, мне проще будет вскарабкаться прямо по стене. На этом участке она изобиловала трещинами и очень удобными выступами. Я мысленно протрассировал маршрут: всё было нормально, кроме последних пятнадцати—двадцати метров. Там, вдоль всего обрыва, нависал приличный карниз. Хотя, что я, собственно, беспокоюсь? У меня же полно ремней!

Сварганив что-то вроде подпруги, я навьючил Мишку. Отдельно прикрепил моток из намертво связанных ремней с петлей на конце, объяснил Мишке, что от него потребуется, похлопал напутственно, согнал с него Марфу,

вознамерившуюся использовать медведя в качестве лифта, и отправил в путь. Конечно, Мишка скакал не столь грациозно, как Лакомка, но я с первого взгляда уверился, что маршрут ему по плечу. Мишка унаследовал лучшие гены белых медведей. А эта задача ничуть не труднее, чем пробираться по ледяным торосам.

Тем не менее поднимался он довольно долго. И всё это время я чувствовал себя неуютно. Без моих зверушек.

Наконец я увидел, как сверху свесился мой ремень (Мишка взобрался), закрепил лук за спиной и полез. Подъем оказался действительно не слишком трудным. Кроме предпоследнего этапа, когда мне нужно было, оттолкнувшись от стены, пролететь по воздуху около метра, чтобы ухватиться за ременную петлю. Зато финальный этап оказался необычайно легким. Подъемная сила в шестьсот кило шустро вздернула меня ввысь, и через несколько секунд я уже стоял наверху.

Тут было несколько менее влажно, но так же жарко. Деревья, если можно назвать деревьями древовидные папоротники, ростом пониже. Росли эти «растеньица» не сплошь, а купами и рощицами. Между ними – полосы кустарников и густая высокая трава – примерно мне по плечо. У речки деревьев было больше, а трава выше – метра два с половиной. В траве пролегали тропинки и тропы, испещренные следами. Да и в самой гуще травы кипела жизнь: шмыгали какие-то зверьки, кто-то кого-то лопал, кто-то от кого-то убегал… Один такой торопыга, на свою голову, выскочил прямо мне под ноги – и был тут же изловлен. Преследователю тоже не повезло: когтистая лапа Лакомки пришлепнула его к земле.

Мой пленник был похож на помесь утконоса и крысы, но не был ни тем ни другим. Коричневая шерстка, голый хвост, на морде – самый настоящий плоский клюв, внутри желтые пластинки – вероятно вместо зубов. Пойманный за шкирку, он покорно висел и ждал своей судьбы. А вот добыча Лакомки вела себя куда агрессивнее. Гибкая тварь размером с лисицу, но с пастью акулы извивалась, хлестала хвостом, скребла когтистыми лапами, пытаясь добраться до своего врага. Но силы были неравные.

Я бросил «крысу» в траву и присел рядом с охотником. Тот, увидев нового противника, яростно зашипел и забился.

– Прикончи его, – велел я Лакомке.

Да-а… Перед нами на траве лежала уменьшенная копия самого настоящего хищного динозавра. Мощные задние лапы с приличными когтями. Передние поменьше, но тоже отнюдь не рудиментарные. Плоская головка с дырочками ноздрей и ушей, пасть, полная острых зубов. Красавчик, одним словом. Единственное, что мне в нем понравилось, – размеры. Ежели здешние динозавры все такие, то – ура!

Мишка тоже проявил к динозаврику интерес. Гастрономический. Получив от меня разрешение, он аккуратно откусил красавчику голову и лапы, а все остальное сжевал с большим удовольствием.

Прошло совсем немного времени, и я убедился, что не все здешние динозавры – мне по колено.

Примерно через полчасика мы набрели на широкую полосу «выстриженной» травы. Попадающиеся на «газоне» солидных размеров навозные кучи свидетельствовали, что «стрижка» была произведена без помощи орудий труда. За следующей рощей мы обнаружили и «стригунов»: целое стало травоядных очень внушительных размеров. Массивные рогатые твари ростом покрупнее слона объедали верхушки деревьев. Твари поменьше, но явно той же породы довольствовались листвой на ветках пониже и сочной травкой.

Мои звери тут же приняли боевую стойку. Особенно оживился Мишка: наконец-то появилась добыча ему под стать.

– Ладно, – согласился я. – Давайте поохотимся.

В свой прошлый Исход мы месяца полтора пробирались по степи, где бродили стада всяких парнокопытных. Те, что помельче, быстро бегали, так что мы охотились в основном на тех, что покрупнее: здоровенных бородатых быков наподобие бизонов. Конечно, те быки были помельче бизонов, зато атаковали сразу толпой, так что приходилось использовать всякие хитрости, и тактика была уже отработана.

Первой в поле зрения рогатых чудовищ появилась Лакомка. Рогатые ее проигнорировали. Я решил, что в списке их естественных врагов модифицированные пантеры не значатся.

В сравнении со взрослыми рогачами Лакомка выглядела котенком. Но были в стаде и малыши: самый крохотный – чуть побольше бегемота. Точная копия старших.

Вот его-то и избрала Лакомка. Стремительный бросок – и она уже сидит на «крошке» и терзает его спину пониже украшенного зубцами костяного «воротника».

«Крошка» заревел трубным басом и понесся куда глаза глядят. К его беде, глядел он не в ту сторону, поэтому со всех ног устремился прочь от стада. Зато стадо отреагировало четко. Секунда – и чудовища образовали правильный круг, выставив наружу бронированные головы и острые изогнутые рога. Но так поступили не все. Три самых здоровых рогача решительно устремились в погоню за малышом, вот только «крошка», несмотря на «всадницу», был очень проворен – догнать его было непросто. Он скакал сумасшедшим галопом, задрав хвост и время от времени высоко подпрыгивая. Лакомка «прилипла» к его спине и продолжала грызть, но, похоже, без особого успеха. Крови я не видел.

Мишка коротко рыкнул и сорвался с места. Наперерез. Я устремился за ним, но, конечно, отстал: при необходимости мой медведь развивает скорость до шестидесяти километров в час.

Я припозднился, а вот Мишка успел вовремя. Встать на пути минимум полуторатонного «крошки» он не рискнул. Лакомка соскользнула в траву, а в следующую секунду Мишка на полной скорости врезался в динозаврий бок. «Крошка» опрокинулся на спину, Лакомка тут же вцепилась ему в живот, а Мишка, насев сверху, ухватил за морду пониже третьего рога и стал душить. Зрелище малопривлекательное, но я относился к этому спокойно: привык. Однако был еще кое-кто, не оставшийся к нему равнодушным. А именно: три разъяренных рогатых «танка», боевым клином несущихся на моих друзей.

Я свистнул. Мои зверушки моментально оставили свою жертву и бросились в разные стороны. Один «танк» притормозил около детеныша, два других ринулись за Мишкой. Мой медведь поступил умно: отманил их подальше и залег.

«Танки» помчались мимо.

Детеныш пытался встать, но не мог. Похоже, жить ему осталось недолго: трава вокруг была алой от крови. Ее цвет, кстати, меня несколько удивил. У ящериц кровь совсем другого оттенка.

Мишка возник из травы и грозно зарычал на третьего рогача. Рогач, громадина метров четырех ростом и раза в три длиннее, не принял его угрозы всерьез. И ни на шаг не отступил от лежащего малыша.

«Похоже, пора опробовать лук», – решил я.

Целил я в глаз, но промахнулся: стрела воткнулась рядом. Совсем неглубоко, но рогач отреагировал: повернул голову. Мишка тут же подскочил к нему и треснул по носу. Тут уж рогач не выдержал и бросился на него. Медведь увернулся, отскочил, но не пустился наутек, а продолжал вертеться у рогача перед поцарапанным носом: отманивал. Рогач с басовитым хрюканьем пытался поддеть Мишку устрашающе изогнутыми рогами. С каждым броском он оказывался все дальше от детеныша, который больше не шевелился. Из травы возникла Лакомка и принялась слизывать кровь. Сверху с шумом и хлопаньем упала Марфа. Похоже, мои дамы считали, что дело сделано. И они были правы. Два рогача, сбитых Мишкой с толку, видимо, забыли, куда и зачем бежали. Теперь они возвращались к стаду, которое распустило боевой строй и снова занялось процессом питания. Третий рогач перестал хрюкать и кидаться. Он был метрах в трехстах и тупо вертелся на месте, очевидно пытаясь припомнить, как он там оказался. Когда к нам присоединился Мишка, поцарапанный им рогач уже трусил в сторону стада.

Но спокойно пообедать зверушкам не дали. Минуты не прошло, как с неба спикировала черная тень, пронеслась над ними и снова взмыла вверх. Птеродактиль.

Еще через минуту их было уже четверо, а один даже имел наглость плюхнуться на землю шагах в десяти. Омерзительная тварь: вся в пучках черной щетины, но длинная тощая шея голая, ярко-синяя, заканчивающаяся маленькой красной головкой с какими-то наростами сзади и клещеподобными челюстями – спереди.

Марфа забеспокоилась и перебралась поближе к Мишке. Лакомка зарычала угрожающе: падальщик отступил. На пару шагов, не больше. Зато с неба свалился его собрат: явно другой породы: гибрид летучей мыши и двуручной пилы, величиной с небольшой самолет. Мелкие стервятники тут же отлетели на почтительное расстояние, а гигант спикировал на меня с явным намерением откусить голову. Но я успел присесть, и поганец промахнулся. Зато Лакомка не промахнулась и уцепила его за крыло… И громадина, выходя из пике, подняла двухсоткилограммовую пантеру над землей! Правда всего на пяток метров. Потом крылатую бестию перекосило, она, заорав, плюхнулась в траву и защелкала своими «пилами», пытаясь достать Лакомку. Думаю, пантере пришлось бы повозиться, чтобы ее прикончить, но у Мишки это заняло секунды полторы.

«Эх, мне бы эти крылья, когда мы с острова уплывали! Какой парус бы вышел! – подумал я, беря сочный кусок мяса, оторванный Лакомкой от „рогачева“ хвоста. – Ладно, парус не парус, а что-нибудь вроде плаща от солнца я из них сделаю!»

Это я так думал, но на самом деле мне даже свой кусок мяса съесть не удалось.

Внезапно Лакомка ощетинилась, а Мишка с глухим ворчанием поднялся на задние лапы и оскалил окровавленную пасть. Марфа, давясь, проглотила очередной кусок и с шумом поднялась в воздух.

Я, как всегда, заметил опасность последним, но все же успел отскочить и схватить лук. А затем…

Вот это, несомненно, был хищный динозавр. Не то чтобы очень крупный, метров трех высотой, но очень целеустремленный. Он несся со всех ног, задрав хвост и заранее распахнув пасть: этакий зубастый страус-переросток. Бежал ящер довольно резво. Настолько резво, что я даже не успел наложить стрелу, а он уже выскочил на полянку, где мы устроили пикничок. Нет, он был не дурак: сразу сообразил, кто у нас основной боец, и с ходу бросился на Мишку. Но на его пути оказалась тушка рогача, и хищник не устоял перед соблазном: выдрал буквально на бегу шмат «грудинки» и проглотил. А когда глотал, естественно, захлопнул пасть. В ту же секунду Мишка кинулся на него, обхватил лапами морду динозавра и как следует стиснул, лишив хищника главного оружия. Динозавр рванулся, пытаясь вырваться, потом поджал хвост и сделал попытку опрокинуться на спину и пустить в ход задние лапы, но Мишка, как настоящий

борец, очень ловко пригнул противника в земле и пресек опасное движение. Динозавр заурчал и пустил в ход когти на передних лапах, но, поскольку лапы эти были не длиннее моих рук, а когти – поменьше Марфиных, толку было немного. Вообще-то, ситуация была патовая.

Если не учитывать нас с Лакомкой. Пантера вцепилась в бревноподобную шею динозавра слева, а я в упор всадил стрелу справа, туда, где под гладкой желтой шкурой пульсировала жила. Всадил и вырвал, отворяя путь крови. Брызнуло так себе. Я тут же пообещал себе при первой же возможности сделать оружие ближнего боя, топор и рогатину. Тем не менее через минуту все было кончено. Я имею в виду не только бой, но и наши надежды на обед.

Наверху истошно завопила Марфа. Я вскинул лук, решив, что на нее напали, но никакой опасности ей не угрожало. Опасность угрожала нам: опасность, от которой даже земля подрагивала.

– Мишка, Лакомка! Берегись! – завопил я.

Они, хоть и увлеченные боем, отреагировали сразу. И вовремя. Мне как раз хватило времени, чтобы вспрыгнуть на Мишкину спину и ухватиться левой рукой (в правой был лук) за притороченный мешок. В следующую секунду Мишка уже летел прочь с максимальной скоростью, а Лакомка растворилась в густой траве.

Это было похоже на шагающий экскаватор. Вернее, быстро бегающий экскаватор. Здоровенная башка моталась на высоте добрых десяти метров над землей. Недобитый «младший брат» был походя прихлопнут исполинской ногой, а ее обладатель гигантскими прыжками понесся дальше. За нами, к сожалению. И, к еще большему сожалению, он нас настигал.

– Мишка, быстрее! – закричал я в серое ухо. – Быстрее, брат!

Мишка прибавил. Самую малость. Он и так рвал изо всех сил…

Нам просто повезло. Должно быть, эти пожиратели мяса всё время следили за небом. Должно быть, так они нас и вычислили: наблюдая за стервятниками. Тогда падальщики нас выдали, сейчас – спасли. Я увидел, как черные твари все разом спикировали вниз: на бесхозную добычу. Очевидно, наш преследователь это тоже увидел. Возможно, он поразмыслил и сообразил, что убитый «журавль»

лучше улепетывающей «синицы». Или сработал какой-то врожденный рефлекс. Так или иначе, но гигант затормозил сразу двумя ногами, развернулся и столь же стремительно помчался обратно. А мы с Мишкой через минуту влетели в рощицу невысоких деревьев с листьями, похожими на гигантские веера. Влетели и остановились, переводя дух. Через пару минут к нам присоединилась Лакомка. А чуть погодя – Марфа.

– Всё! – решительно заявил я. – Больше никакой охоты на крупного зверя!

Спорить со мной никто не стал.

Глава седьмая

Динозаврий рай

Пищи вокруг хватало. И большой, и маленькой. Так что голодными мы не остались. Но всё равно я и моя команда чувствовали себя неуютно. Трудно осознавать себя «венцом творения», когда вокруг пасутся бестии величиной с тяжелый танк, а между сорокаметровых «хвощей» мелькают такие головы, где каждая пасть – с ванну.

Но, как оказалось, самые большие хищники были далеко не самыми опасными.

Это случилось на следующий день. После ночи, которую мы провели, забившись в чью-то брошенную нору. Нора была сделана на совесть: с «главным залом», отнорками и двумя запасными выходами, один из которых был разрыт и завален. Судя по «входам», здешний «хомячок» немногим уступал размерами Мишке и был отнюдь не вегетарианцем: в одном из отнорков обнаружилось изрядное количество костей.

Пахло в норе скверно, зато моего сна ничто не нарушило. Если не считать жутких воплей и еще более жуткого рева, которые время от времени оглашали местную «лесостепь».

Так или иначе, но мы отдохнули, перекусили (Лакомка еще затемно сбегала наверх и приволокла какое-то (в динозаврах я не специалист) сравнительно мелкое травоядное.

Пора было двигаться в путь. И мы двинулись. Впереди, дозором, – Лакомка. Затем – я. Замыкающим – Мишка с Марфой на спине. Отправить птицу на разведку мне не удалось. Я особо и не настаивал: в небе маячили темные «трапеции» и «треугольники». Местные птички-невелички. Кстати, настоящих птиц больше не встречалось.

Мы шли по сравнительно невысокой – примерно по пояс – траве. Если, конечно, это была трава, а не какой-нибудь мох-переросток. Шли мы строго на север (надеюсь, я правильно выбрал сторону света) и созерцали мирную картину динозаврьего рая: многочисленные стада травоядных гигантов, двуногих и четвероногих, а также еще более многочисленную вегетарианскую мелочь, старающуюся держаться поближе к более крупным «сородичам».

Видимо, по случаю раннего времени никто никого не пытался съесть. От такой идиллии я несколько расслабился.

А зря.

Напали на нас, когда мы проходили мимо бамбуковой (или похожей на бамбуковую) рощи.

Собственно, даже и не на нас, а на меня. Причем настолько стремительно и грамотно, что еще чуть-чуть – и человечество недосчиталось бы одного из своих Мастеров Исхода.

Тварь вылетела из рощи. Роскошным прыжком в добрых семь метров. Я успел лишь увидеть растопыренные изогнутые когти, летящие прямо на меня, – и упасть на землю в самый последний спасительный миг. Счастье, что скорость реакции не утекла туда же, куда канули все мои «магические» способности. Тварь промахнулась на какой-то метр, коснулась земли, развернулась буквально на одном когте и… Тут тварь пришибла когтистая лапа малость потяжелее, чем у нее. Что-то отчетливо хрупнуло – и любительница человечины забилась на земле. Я вскочил…

На этот раз меня спасла Лакомка. Вторую тварь я вообще не видел. Темный промельк – и клубок тел покатился по траве. Мишка грозно взревел. Ага!

Имелась еще и третья тварь. Эта, похоже, нападать раздумала. Раскачивалась на задних лапах, грозно шипела, разевая красную пасть с очень приличными зубками и топыря передние, довольно когтистые лапы. Если не считать этих лап, тварь очень походила на птицу. Наверно, из-за длинной гибкой шеи. Но башка у твари была довольно крупная. С мою размером. Правда, и сама зверушка, на первый взгляд, тянула килограммов на сто пятьдесят и ростом – под два метра. Хотя, по здешним меркам, – мелочь.

Мишка прянул вперед – и тварь смылась.

Я оглянулся на Лакомку. Лакомка справилась. Сидела, зализывала оцарапанный бок. Ее противница валялась на земле в луже крови. Алой крови.

Мишка хлопнул лапой – и другая зверушка тоже затихла навеки. Очень интересная зверушка. Я присел и потрогал ее гладкую кожу. Именно так – кожу, а не какую-то там чешую. К тому же тварь была теплая. То есть примерно как человек в горячке. Градусов сорок. Оч-чень интересная зверушка.

Знаками показал Мишке, что тварей следует утащить в рощицу. Не то опять налетят падальщики. Мишка – тоже знаками – «объяснил» мне, что жрать такую дрянь и не собирался. И мне не советует. Вокруг полно куда лучшего мяса.

Однако я был в нашей команде пусть и самым хилым, но главным. Через полминуты обе тушки оказались под сенью зеленых «бамбуковых» венчиков.

Мишка тут же отошел на десяток метров и застыл, принюхиваясь. Больше нас врасплох не застанут. Даже с подветренной стороны. А я осмотрел Лакомку (ранка оказалась пустяковой царапиной), а затем, с ее помощью, занялся препарированием.

Сначала – внешний осмотр. Большая голова, отличные зубки. Причем среди прочих выделяются ярко выраженные клыки, прямые и острые, длиной сантиметров десять. Пожалуй, у меня есть шанс обзавестись копьем. Теперь – лапы. Передние – поменьше, но с отличным оснащением: длинные пальчики с неслабыми коготками. Но в сравнении с «саблями», выросшими на задних лапах,

эти коготки – сущая ерунда. Там – когтищи в двадцать сантиметров длиной, причем заострены не только концы, но и внутренние края. Этакие разделочные ножи. Я еще раз порадовался, что их хозяйка промахнулась. Иначе вскрыла бы меня, как консервную банку. Тем более – с прыжка. Эк она сиганула – с места на двенадцать шагов. Ясно, что мускулатура у зверушки – неслабая. Или это зверек… Нет, судя по первичным признакам – самка. Или у динозавров всё не так, как у млекопитающих? Слабое место – шея. Длинновата. Хотя, при соответствующей подвижности зубастой головы, добраться до этой шеи – непросто.

По моей просьбе, Лакомка вскрыла зверушке грудную клетку и извлекла сердце. Сердце оказалось довольно крупным. Для его вскрытия я использовал коготок с задней лапки, предварительно откушенный Лакомкой. Отличное сердце. Знания анатомии мне хватило, чтобы понять – оно четырехкамерное. Неудивительно, что зверушка – теплокровная. Теперь оставалась голова. Для вскрытия черепной коробки пришлось позвать Мишку. Мозг у зверушки тоже оказался на уровне. Развитый.

Я закончил изображать патологоанатома, и Марфа тут же пристроилась жрать. А мы с Лакомкой – утилизировать добычу. Отделили когти, выбили клыки (выбивал я – камнем), извлекли пакеты сухожилий из задних лап. Что-то мне подсказывало, что они будут помощнее, чем те, которые у меня на луке. И я наконец разжился оружием ближнего боя: из стебля «бамбука» изготовил копье, засунув в полость ящеров клык и обмотав для прочности сырым ремнем из ящерьей же шкуры. А из самого длинного когтя сделал что-то вроде серпа. Тоже с бамбуковой рукояткой. И еще пару ножей на естественной (фаланги пальцев) основе. Первое время оружие будет немного пованивать, но это можно потерпеть.

Еще какое-то время я потратил, чтобы изготовить пояс с петлями для моего нового вооружения и бурдюк для воды. Было у меня такое ощущение, что с источниками могут быть проблемы. После этого мы наконец убрались из рощи. И очень вовремя. Едва мы отошли метров на двести, как со стороны «саванны» прискакала целая стая двуногих зубастиков. Не таких, какие пытались меня слопать, но тоже очень неприятных с виду. Мы их не заинтересовали. Они пришли за мертвечиной.

Глава восьмая

Зеленоголовые

Вэтот день мы нашли реку. Большую, шириной почти с километр. Нам повезло: река текла в нужном направлении: на условный север. Вода в ней была мутновата, но для питья годилась. Идеально было бы построить плот, но от этой мысли пришлось отказаться. Время от времени из воды всплывали такие твари… Так что передвигались мы по-прежнему по суше. Очень осторожно, стараясь держаться поближе к реке, где нас полностью скрывали заросли и высокие травы. На ночлег устраивались в рощах, где заросли еще гуще. Если рядом оказывалось стадо рогачей или других травоядных внушительных размеров, мы это приветствовали. Хищники покрупнее при таком соседстве не обращали на нас внимания, а те, что помельче, нас и так не трогали. Я, кстати, заметил, что эти, средних размеров, как травоядные, так и хищники, довольно сообразительны. В отличие, скажем, от тех же рогачей.

И это было понятно: есть самому и не дать съесть себя в этом мире двухметровых рогов и полуметровых клыков – непростая задача. Притом что зубастые гиганты вовсе не были медлительными увальнями, а гоняли по равнине с очень хорошей скоростью. Ну еще бы! Когда каждый шаг – как двадцать моих. Нам вообще пришлось бы кисло, если бы не Марфа. Летунья сверху высматривала зверюг покрупнее – и давала нам знать. Сама она уже вполне освоилась в здешнем небе. Выяснила, что ни обычные птеродактили, ни гиганты с восьмиметрового размаха крыльями не могут с ней тягаться в скорости и маневренности, – и решительно осмелела.

В общем, оказалось, что и в динозаврьем мире можно выживать – и даже проходить по полсотни километров в день.

Был, правда, один неприятный эпизод, когда за нами увязалась стая из дюжины сравнительно небольших, но крайне опасных тварей.

Эти ящеры заметно отличались от других хищников. Они могли одинаково проворно передвигаться и на четырех, и на двух ногах. Но предпочитали двуногое хождение, что тоже понятно: так их головы оказывались над травой. Оснащены твари были совсем неплохо: внушительные зубы, серповидные когти. В придачу – редкая сообразительность. Я сразу заподозрил, что в этих крупных

головах содержится изрядное количество мозгов. То есть видел я здешних хищников, у которых головы намного крупнее, но большую часть этих голов занимала пасть.

Впрочем, дело было не только в размере голов, но и в том, как они себя вели. Вели же они себя, вернее, вели нас – очень грамотно. Первый день я их и разглядеть-то толком не смог. Даже просто заметить их на фоне зелени было проблематично. Несколько раз я видел торчащие над травой круглые, зеленые с черными крапинами, головы. Не ближе ста шагов, зато сразу с трех сторон. Целый день зеленоголовые неотступно сопровождали нас, держась на том же почтительном удалении. Возникало ощущение, что ящеры пытались определить, что мы такое. Ночью они ушли, но на следующее утро объявились опять и сократили дистанцию метров до пятидесяти. Никакой враждебности не проявляли, но мы, я и Лакомка, чувствовали исходящую от них опасность. Как жаль, что мои способности еще не восстановились (вообще, уж не знаю почему, после этого Исхода мой Дар прорастал крайне медленно), я улавливал лишь смутные ощущения.

На третье утро преследователи исчезли. Я подумал – ушли. Решили, что мы – не их добыча. Но я поспешил с выводами. Зеленоголовые не ушли. Они устроили засаду. По всем правилам охотничьего искусства. Сделали вид, что мы их больше не интересуем, а сами «просчитали» наш маршрут, обогнали нас на десяток километров, выбрали местечко, где у реки топкий берег, а тропа делает петлю, – и затаились в траве. Причем не кучей, а рассредоточившись полукольцом. Идеальная позиция, чтобы напасть внезапно и скопом. Вот только они не учли, что у нашей Марфы глаза получше, чем у птеродактиля. А может, они просто не взяли ее в расчет.

Мы обошли их по большой дуге, но, поскольку у меня было предчувствие, что эти зверюги нас так просто в покое не оставят, я тоже решил применить хитрость: воспользоваться моей любимой «тактикой тигра», то есть, сделав петлю, выйти на собственный след и, в свою очередь, устроить засаду на преследователя. Я решил так: если стая сумеет нас выследить и продолжит охоту, значит, всё равно придется драться. И лучше это сделать в условиях, выгодных для нас, а не для них.

Мы двинулись ускоренным маршем, и километров через пять я нашел подходящее место. В небольшой, сравнительно светлой роще – два почти сросшихся ствола с общей, довольно густой кроной. Пройдя в первый раз метрах

в пятидесяти от этого дерева, мы шли еще километра три, а потом вернулись обратно. Мы с Лакомкой взобрались наверх и укрылись в листве. Мишка притаился в папоротниках позади сросшихся стволов.

Зеленоголовые нашли наш след. Прошло часа полтора – и мы их увидели. Они бежали цепочкой, причем первый – на четырех лапах, уткнувшись мордой в землю: вынюхивал. Двадцать шесть голов.

Мы дали им миновать нас, а затем я всадил стрелу в шею последнего. Да так удачно, что он сразу свалился. Остальные тотчас остановились и сгрудились вокруг подбитого. Они видели стрелу, но не понимали, откуда она взялась. Эти зеленоголовые вели себя почти по-человечески. Я больше не стрелял. И даже забыл, что на нас охотятся. Мне стало по-настоящему интересно. Раненый попытался вытащить стрелу лапой, но только обломал древко. Тогда один из его сородичей наклонился, ухватил зубами черенок и, упершись задней лапой в плечо подбитого, вырвал стрелу. Из раны фонтаном брызнула кровь… И тут другой зеленоголовый, самый крупный, отпихнув сородича, присосался к ране. Подбитый не сопротивлялся, лежал, не шевелясь. Прочие застыли кружком, наблюдая. Я аккуратно прицелился и всадил стрелу точно в основание черепа зеленоголового «вампира». Выбрал я это место интуитивно – и не ошибся. Зеленоголовый опрокинулся на бок и больше не встал. Остальные сообразили, что дело нечисто, и завертели головами. Я выстрелил еще раз, не так удачно: стрела только оцарапала хищника. Но меня обнаружили. По щелчку тетивы. Острые оскаленные морды повернулись ко мне… И я свалил третьего: вогнал ему стрелу в горло, под самую челюсть.

Тут зеленоголовые снова меня удивили: двое бросились к дереву, на котором я сидел, а остальные почему-то не сдвинулись с места. Я спокойно наложил новую стрелу, уверенный в собственной недосягаемости: моя ветка была почти в пяти метрах от земли.

Оба прыгнули почти одновременно: они еще не оторвались от земли, а я уже понял, что пять метров – совсем не так высоко, как мне казалось. Я поспешно выстрелил, бросил лук, правой рукой перехватил копье, левой вцепился в верхнюю ветку, уже понимая, что сейчас мне придется туго…

Моя стрела попала ящеру в глаз. Она не остановила бы зеленоголового, но сверху на него прыгнула Лакомка. Оба они грохнулись на землю, но Лакомка оказалась сверху и успела выдрать зеленоголовому второй глаз. Второго

рептилоида, уже в полете, успел перехватить Мишка: зацепил, швырнул на землю и ударом лапы проломил ящеру череп. Я тоже сиганул вниз: тело пронзила боль (пять метров все-таки), но я даже устоял на ногах – и приготовился к бою…

Боя не было. Два десятка зеленоголовых вполне могли бы задать нам жару… Но они дружно развернулись и бросились наутек.

Это была нежданная, но полная победа. Нам здорово повезло: кроме моих отбитых пяток – никаких травм. А в активе – пять поверженных хищников, каждый из которых – размером побольше меня. Нет, не пять, четыре. Ослепленный ящер внезапно вскочил и тоже устремился прочь. На четырех лапах, прямо по следу своих сородичей. Гнаться за ним мы, конечно, не стали. Мишка методично добил тех, в ком еще теплилась жизнь, и спокойно принялся за еду. Лакомка и Марфа тут же присоединились к нему, а я медлил. Мое предположение насчет качественных мозгов, содержавшихся в круглых зеленых головах, оказалось верным. Так что некоторое время я колебался: не употребить бы в пищу разумное существо…

Но потом решил – ну и хрен с ним! Можно не сомневаться, что меня это существо кушало бы, не особо терзаясь муками совести.

На этот раз нам никто не мешал: крылатым «осведомителям» было невдомек, что творится под сенью крон.

После ужина, прибегнув к помощи Лакомки, я произвел «вскрытие» одного из зеленоголовых. Результаты были довольно любопытными. Помимо вполне развитого мозга у наших противников обнаружилось (как я и ожидал) четырехкамерное сердце, приличествующее исключительно теплокровным существам.

Я дал себе зарок: при благополучном исходе моей миссии или (если я все-таки угодил не на ту Землю) после того, как восстановятся мои способности, непременно вернуться и разобраться, что это за зверушки. Неприятностей я не опасался. Когда я «войду в форму», они не будут представлять для меня опасности. Нет, чтобы вот так, походя, найти негуманоидную разумную расу… Только ради этого планету стоило колонизировать. То, что зеленоголовые «братья по разуму» склонны пить кровь сородичей… Ну так что ж – и наши

собственные предки были не прочь перекусить себе подобными. Обычное дело на низких стадиях развития. Зато каким эти зеленоголовые обладают проворством! Пожалуй, они даже мне, Мастеру, не уступят.

Глава девятая

Внутренние проблемы сексуального характера

Спустя несколько дней после схватки с зеленоголовыми, в нашей дружной команде образовалась очень серьезная проблема. Причем не снаружи, а внутри. У Лакомки началась течка.

Будь мы в цивилизованном обществе, одной инъекции было бы достаточно, чтобы прекратить безобразие. Но до цивилизованного общества было, по самым оптимистичным прикидкам, с десяток парсеков.

Кому-то ситуация может показаться забавной…

Но только тому, кто никогда не подвергался сексуальным домогательствам четвертьтонной наполовину сбрендившей хищной кошки.

Не то чтобы те, кто разрабатывал программу «смешанных» команд, не учли подобную ситуацию. Они ее как раз учли. И приняли меры к тому, чтобы мой славный гризли мог оказать дружескую помощь кошечке в трудный период. Мишка мог. Вполне. И даже был не прочь. Проблема состояла в том, что, во-первых, в нашем прайде я был главным самцом, а во-вторых… Гормоны гормонами, но личная привязанность моей черной киски играла ничуть не меньшую роль. Те, кто «развивал» ее ум и чувственность, чтобы добиться максимального «человекоподобия»… Словом, они своего добились. Сотворили из животного-самки существо с почти человеческой психикой. Я и сам принял в этом участие, когда воспитывал и обучал обаятельного детеныша. Теперь дитя превратилось во взрослую… Почти в женщину. И эта «женщина» выбрала меня.

Как говаривал один мой приятель с Земли-Исходной: «Любовь зла. И козлы этим пользуются».

В данном случае я совершенно не был настроен «пользоваться».

Но если я отчетливо понимал, что Лакомка – существо другого вида, то для самой Лакомки я был «своим».

В общем, как только этот кошмар начался, всем нам сразу стало не до ящеров. Большие и маленькие пресмыкающиеся стали восприниматься как нечто неприятное, но незначительное. Если бы зеленоголовые решили поохотиться на нас неделей позже, вполне вероятно, что их охота оказалась бы удачнее.

Лакомка полностью отдалась во власть инстинктов. Она перестала есть, она не могла (и не хотела) охотиться или даже просто охранять нас по ночам. Всё, что она могла (и хотела), – это постоянно отираться около меня, всячески побуждая к определенным действиям. Она почти так же разумна, как человек. Но она – кошка. И ее инстинкты посильнее человеческих. Вдобавок от страсти ее эмпатические свойства значительно усилились – и ее желание стало напрямую передаваться мне. Вот когда я порадовался, что мой Дар восстанавливается значительно медленнее, чем обычно. Нет, разумеется, никакого желания удовлетворить потребности Лакомки я не испытывал. Я человек. Кошка, даже такая замечательная, как моя пантера, не является для меня объектом влечения. Но эмоциональный напор действовал на мой собственный гормональный фон, который после Исхода и так был, мягко говоря, повышен. Само собой, меня учили (и научили) управлять желаниями. И всё же обуздывание инстинктов – малоприятное занятие.

Единственное, в чем мне действительно повезло: у кошек свои правила сексуальной игры, подразумевающие исключительное доминирование самца. Не будь этого, будь Лакомка не кошкой, а особой женского пола с человеческими приоритетами, – я был бы попросту изнасилован, поскольку ни за что не смог бы противостоять натиску «подруги», которая в два с половиной раза крупнее меня и в шесть раз сильнее.

Не хочу углубляться в подробности. Довольно того, что за трое суток мы прошли меньше сорока километров и никто из нас (кроме Марфы) ни на минуту не сомкнул глаз.

Наконец Мишка нашел выход. Мишка вообще-то довольно ленив, но, если речь идет о еде (а в данном случае дело обстояло именно так: охотник на некрупную

дичь из него никакой), мой гризли становится очень решительным и инициативным. И довольно жестоким.

Утром четвертого дня он решительно взял Лакомку за шкирку, отнес ее подальше (щадя наши с ней, так сказать, чувства) – и сделал что требовалось. Лакомка, естественно, визжала, рычала и отбивалась изо всех сил, но силы были неравны.

Да, это было жестоко и унизительно. Лакомка смертельно обиделась… Позже. Зато сразу после «процедуры» ей существенно полегчало. И в дальнейшем, как только инстинкты снова начинали брать верх…

Короче, мы это пережили. Как и многое другое. И преодолели больше тысячи километров за каких-то двадцать дней.

Мы подошли к подножию гор, поднявшись к истокам нашей спутницы-реки.

Перевалили через хребет (к счастью, не слишком высокий), затем снова спустились в долину.

Мы научились избегать опасностей и становиться незаметными, когда это требовалось. Даже громадный Мишка. Мы прошли свой путь и остались живы.

К тому моменту, когда я снова увидел океан, я уже совершенно точно знал, что могу выжить на этих просторных равнинах. С помощью моей замечательной команды.

Я, Мастер Исхода, – могу.

Но обычных колонистов местная фауна переловит и слопает дня за два. Самые ловкие, может, протянут недели полторы.

Вывод: раз колония сумела просуществовать некоторое время, значит, там, где она обосновалась, – другие условия. Более благоприятные… Вероятно. Потому что среди колонистов был один человек, который, в принципе, мог бы выжить и здесь, среди динозавров. И не выжил там, где… не выжил. Мастер Исхода

Пророк Шу Дам. Вопрос: почему? И – где?

Ответа у меня не было. Зато я снова увидел океан. Мы пересекли континент. Что дальше?

Глава десятая

Еще один сюрприз неправильной планеты

Океан был внизу. Над скалистым берегом, заваленным плавником и прочим океанским мусором, поднимался отвесный гранитный клиф почти стометровый высоты.

Мне было любопытно спуститься вниз и поглядеть, что именно выносят волны.

Но Мишка только глянул – и сразу стало ясно, что он не склонен заниматься альпинизмом.

А Марфа, в свою очередь, дала понять, что не собирается подниматься в небо, когда оно так и кишит здоровенными зубастыми тварями. В последнее время к нам привязалась целая банда птеродактилей, подметавших все, что оставалось после наших трапез, и серьезно присматривавшихся к Марфе: не сойдет ли за десерт?

Поначалу я опасался, что свора стервятников привлечет к нам внимание крупных хищников, но пока обходилось. Может, потому, что дичи в здешней саванне было просто немерено. Сотни тысяч тонн бронированного и полубронированного мяса. Здесь постоянно кто-то кого-то жрал. Причем в титанических масштабах.

Но, передвигаясь скрытно, под прикрытием растительности, можно было двигаться вперед. Хотя, признаться, мне уже порядком надоело находиться в постоянной готовности к бегству.

В собственной стае летающих тварей было и свое преимущество: считая нас своей личной собственностью, они гнали прочь других потребителей падали. Именно поэтому я не пытался от них избавиться.

Трава вдоль клифа была в самый раз: и всё видно, и спрятаться можно при необходимости. Поэтому я счел не слишком большим риском двинуться вдоль обрыва, время от времени поглядывая вниз. В перспективе я рассчитывал выйти к какой-нибудь реке с качественной древесиной вдоль берегов. И попробовать сварганить что-нибудь плавучее. Нет, я понимал, что путешествие по океану на плоту, тримаране или грубом подобии баркаса (ничего лучшего с моим скудным набором инструментов не сделать) – чистой воды авантюра. Но у меня такой характер, что не действовать я просто не могу. Эх, не скоро из меня выйдет Пророк!

Кое-что внизу привлекло мое внимание. С полдюжины птеродактилей вилось над нагромождением скал, обнаженных отливом.

Пара падальщиков из нашего эскорта немедленно спикировала вниз: поглядеть, что там такое.

Мне тоже стало любопытно. Я переглянулся с Лакомкой и стал разматывать ременный трос.

Мишка рыкнул неодобрительно.

– Да ладно, мы ненадолго, – сказал я ему. – Одна нога здесь, другая там, не нервничай.

Нет, чутье меня не обмануло. Спускаться стоило. Я понял это, когда увидел, что именно привлекло внимание падальщиков.

Видимо, его принесло сюда уже мертвым. Труп застрял в щели между скалами, и зубастым стервятникам было довольно трудно до него добраться. Тем не менее его уже порядочно объели. Однако не настолько, чтобы я не мог его опознать. Оскользаясь на мокрых водорослях, я спустился вниз и, стараясь не дышать, изучил его во всех подробностях. Сомнений не было. Как и никакой возможности

отнести его к подвиду ихтиозавров. Застрявшее между камней тело некогда было дельфином. Теплокровным млекопитающим. Таким же, как я или Лакомка. Этого не могло быть в мире ящеров. Но это – было.

Следующие два дня, пока мы двигались вдоль клифа, я интенсивно размышлял, пытаясь переварить увиденное. И придумать какое-нибудь приемлемое объяснение. Единственное, чем отличается эта Земля от прочих, – отсутствие наклона оси вращения. Вечное лето на экваторе, вечная весна – в средних широтах, и вечная стужа – ближе к полюсам. Но это лишь то, что лежит на поверхности. Как такая стабильность будет влиять на атмосферные потоки, на тектонические явления… Короче говоря, эта планета – настоящий подарок геофизикам. Если ее когда-нибудь освоят настолько, что ученые смогут здесь заниматься наукой, не опасаясь, что какой-нибудь эратозавр примется откусывать ученые головы…

Я ломал голову над увиденным, даже не подозревая, что «неправильная планета» приготовила мне еще один сюрприз. Такой, что все прежние выглядели в сравнении с ним пустяковыми розыгрышами.

Это случилось на третий день, ранним утром, когда мы, наконец, нашли свою реку. Прекрасную реку, немножко бурную, зато с отличными деревьями по берегам, впадающую в небольшую живописную бухту, которую в цивилизованном мире непременно сделали бы курортом.

Здешние края трудно было назвать цивилизованным миром, но в этой очаровательной бухте кое-какие признаки цивилизации наблюдались. Я бы сказал, очевидные признаки.

Метрах в двадцати от покрытого белым песочком берега на синем зеркале залива стоял самый настоящий парусник.

Первой моей реакцией было – вскочить и заорать: ведь я наконец-то нашел своих. Но я вовремя вспомнил, что нахожусь на неправильной планете. И радость свою придержал. На корабле мог быть кто угодно. Например,

зеленоголовые ящеры. Почему бы и нет? Судя по истории Земли-Исходной, сосуществование развитых цивилизаций и дикарских племен – нормальное явление. И такое же нормальное явление – активно-агрессивная реакция на чужаков.

Все-таки я не зря учился на Земле-Исходной. Знание истории планеты-прародительницы еще никому не мешало.

Не следует также забывать об умершем в муках Пророке по имени Шу Дам. Можно ли допустить, что Пророка съели зеленоголовые умники?

Маловероятно. Но – возможно. Вдруг по каким-то причинам Шу Дам не смог как следует восстановиться? Скажем, случайно лишил жизни кого-то из колонистов и вновь потерял Дар. Отняв человеческую жизнь, Одаренный надолго и основательно теряет связь с Высшим. Правда, только если убивает, так сказать, собственноручно. Если я, к примеру, захочу кого-то убить – мне достаточно лишь пожелать. И мои зверушки все сделают сами.

На песочке у воды не наблюдалось никакого шевеления. На кораблике – тоже. Во всяком случае, я ничего разглядеть не смог. Эх, как мне не хватало способности видеть глазами Марфы!

Зато я вполне оценил сам кораблик. И одобрил его строителей. Примитивно, но добротно. Длина – метров десять—пятнадцать. Единственная мачта – метров шесть—семь высотой. Еще мне удалось разглядеть торчащие над бортами черенки весел – шесть пар, и еще одно – кормовое. И ничего, что суденышко это выглядело довольно примитивным. На подобных корытцах наши отважные предки с Земли-Исходной ухитрялись пересекать не то что моря – океаны.

Кто же все-таки сюда пожаловал?

Можно было спуститься вниз, однако я посчитал это преждевременным. Сначала надо выяснить, кто такие здешние мореплаватели.

Кое-как, особенно не надеясь на успех, я попытался объяснить Марфе, кого мы ищем. Упирал главным образом на то, что нужные особи должны что-то держать в конечностях. У зеленоголовых неплохой природный арсенал, и всё же копье и лук обладают изрядными преимуществами перед зубами и когтями.

Озадаченная Марфа ушла в воздушный поиск. Наземным занялась Лакомка. Из нас троих она была приспособлена для этого наилучшим образом. А мы с Мишкой остались на пригорке – наблюдать за бухтой.

Нашла Лакомка. Причем довольно быстро, потому что хозяева парусника ушли совсем недалеко. Марфа могла бы обнаружить их еще быстрее, но я дал ей неправильные вводные. Это выяснилось сразу же, как только я (из укрытия, разумеется) увидел храбрых мореплавателей. Узнал я их сразу. Это было нетрудно, потому что они оказались людьми. Точнее, издали они выглядели совсем как люди. Невероятно отважные люди.

Мы, вернее я с Лакомкой, взобрались на подходящее дерево (или как там называлось это ветвистое растение) и получили возможность наблюдать храбрецов во всей красе.

Их было немного, чуть больше дюжины. Точнее определить было непросто – они всё время двигались: то ныряли в траву, то выскакивали из нее, будто пробки из бутылки шампанского. Прыгали довольно высоко – метра на полтора, так что рассмотреть их я смог достаточно хорошо. Черные (или очень загорелые), с курчавыми головами и «правильным» набором конечностей. Ростом примерно с меня или малость покороче. Голые по пояс, а ниже одетые в некое подобие коротких штанов. Была ли на них обувь, рассмотреть не удалось. Но оружия у них определенно не было. Зато храбрости хватало. Нужно иметь очень крепкие нервы и изрядное мужество, чтобы дразнить сидящую на яйцах хищную динозавриху весом тонны этак в две.

Понятно, почему у них не было оружия. Завалить такую тварь с помощью копий – работа для самоубийц. Здоровенная башка, покрытая какими-то костными наростами, полный зубищ контейнер-утилизатор, который выполнял роль пасти, передние лапы, достаточно длинные, чтобы сцапать глупца, подобравшегося ближе, чем на три метра. И вдобавок – невероятная для такой громадины шустрость.

Единственное, что спасало храбрецов, так это то, что динозавриха вынуждена была держаться поблизости от своей кладки.

Понятно, почему. Целью безбашенных моряков были именно яйца.

Яйца лежали аккуратной кучкой посреди вытоптанного пятна. То есть уже не слишком аккуратной, потому что время от времени кому-то из прыгунов удавалось подобраться достаточно близко, чтобы ухватить яичко (весящее килограммов восемь) и попытаться уволочь его подальше. Динозавриха, даже увлеченная процессом преследования другого храбреца, продолжала каким-то внутренним чутьем держать кладку под контролем. Как только похититель хватал яйцо, она стремительно разворачивалась и бросалась на него. Тот, разумеется, яйцо тут же выпускал и удирал со всех ног. Динозавриха подхватывала яйцо… А в это время другой храбрец…

Так продолжалось минут десять. Потом я обратил внимание на то, что расстояние, на которое удавалось унести яйца, всё увеличивается. То ли тысячекилограммовая мамаша подустала, то ли у воришек был свой стратегический план. Словом, в один прекрасный момент, когда динозавриха удалилась от кладки метров на тридцать, к яичной кучке подбежали сразу четверо. Схватив по яйцу, они кинулись в разные стороны. Динозавриха, оказавшаяся в положении буриданова осла, растерялась, очень огорчилась, уселась на оставшиеся яйца и испустила могучий инфразвуковой рев.

Храбрые моряки враз перестали прыгать и помчались в сторону залива. Вероятно, четыре яйца, которые они несли по очереди, моряки сочли достаточной добычей.

Храбрецы уже почти достигли ущелья, когда я понял, что ошибся в определении причины их поспешного отступления. Причина появилась внезапно и сокрушительно. И топотала так, что я услышал ее за полкилометра. Эти полкилометра «причина» преодолела секунд за сорок. Чудовищный динозавр (раза в два больше ограбленной мамаши) несся, словно спринтер, пригнув голову, высоко задрав хвост, десятиметровыми прыжками.

Первого моряка (точнее, последнего) он догнал так легко, как борзая догоняет домашнего кролика. «Контейнер» открылся, закрылся – и моряка не стало. Та же участь постигла второго, третьего… На каждого динозавр тратил не более секунды. Впрочем, для улепетывающих моряков каждая секунда имела значение. Кстати, яйца они не бросили.

Четвертый морячок подпрыгнул, вцепился в древовидный ствол и быстро-быстро полез наверх. Динозавр не стал за ним тянуться. Он мотнул башкой – и страшный удар так встряхнул «дерево», что бедный человечек оторвался и

полетел вниз. Динозавр подхватил его на лету, слопал… И задумался.

Дело в том, что остальные успели-таки добраться до ущелья и, соответственно, исчезли из виду.

Динозавр задрал хвост еще выше, громко пыхтя, обследовал траву, выпрямился, подумал еще немного – и направился к подруге.

А я спустился с дерева и пошел знакомиться с храбрыми мореплавателями. Если это не одичавшие колонисты (что сомнительно), то я становлюсь первооткрывателем аж двух разумных рас. Притом – на одной планете. А ведь расам этим полагалось бы быть разнесенными во времени лет этак на пятьдесят. Миллионов, разумеется.

Хотя вполне возможно, что это тоже колония. Вот только чья?

Посоветоваться мне было не с кем, поэтому я решил идти напрямик. Как говаривал мой инструктор по контактам: «Чтобы контакт был успешен, надо его осуществить». Правда, это был инструктор по силовым контактам.

А еще меня очень интересовало: зачем героям-аборигенам яйца хищного динозавра? Если в качестве дорожных припасов, то им проще было бы лопать друг друга. Обошлось бы дешевле.

Глава одиннадцатая

Храбрые моряки с нетрадиционной реакцией на кошек

Яспустился в ущелье, когда уцелевшие мореплаватели как раз вытаскивали спрятанную в мангровых зарослях лодку.

Меня, прыгающего с корня на корень (в реку соваться я не рискнул, мало ли…), заметили сразу. Темнокожие любители яиц были храбрыми, но не беспечными. Пока пятеро волокли лодку (что-то типа вместительной байдарки), другие чутко сканировали окрестности. На сей раз Марфа бы их точно опознала: в руках у

мореходов были короткие копья с довольно широкими металлическими (похоже, бронзовыми) наконечниками.

На мое появление они среагировали четко. Негромкий свист – и пятеро, что тащили лодку, тут же оставили это занятие, схватились за оружие и принялись высматривать что-то в зарослях за моей спиной.

Я продолжал свой спуск, пока не оказался на песке. Теперь у меня появилась возможность детальнее разглядеть мореходов. Нет, к негроидной расе они не относились. Скорее, черно-белый замес с преобладанием европейской крови. Похоже на тех колонистов, которых повел за собой Шу Дам?

Возможно. Хотя в той колонии, насколько я помню, должно быть не менее трети азиатов… Впрочем, сейчас мы…

– Здорово, парни! – произнес я по-русски.

Не поняли.

– Hay, guys! – повторил я по-английски.

С тем же результатом.

Китайского они тоже не знали. Равно как и французского.

Нет, это точно не колонисты. Если у меня оставались какие-то сомнения, то они исчезли, когда пятеро из восьми двинулись ко мне, окружая и с самым недвусмысленным видом поигрывая копьями.

– Мир, братья по разуму, мир! – воскликнул я, роняя собственное оружие на песок и поднимая руки ладонями вперед.

Будем надеяться, что хоть язык жестов у нас совпадает.

Не совпало. Пятеро продолжали надвигаться, а двое остальных поспешно загрузили драгоценные (?) яйца в лодку и поволокли ее к воде. Последний морячок продолжал контролировать периметр. Словом, команда работала

слаженно и четко.

Тем временем пятерка подошла ко мне вплотную. Я не очень-то испугался. Парни, безусловно, крепкие и ловкие (судя по их играм с динозаврихой), но я все-таки Мастер Исхода.

Впрочем, в драку лезть я не торопился. Мне нужен был мирный, а не силовой контакт.

Один из моряков пинком отбросил мое оружие, другой сунул мне наконечник прямо под подбородок.

Я стоял спокойно.

Ребятки забеспокоились, заозирались. Мимика у них была очень выразительная, так что и без слов было ясно: ребятки пытаются сообразить, отчего я такой храбрый. Не потому ли, что в соседних кустах засела группа поддержки?

Так оно и было. Но я был уверен: Лакомку они точно не обнаружат.

Моряки обменялись несколькими фразами. Язык у них был красивый: певучий, изобилующий обертонами. Потом один из них, похоже, старший, моего роста крепыш и с косым шрамом поперек живота, рыкнул что-то совсем не мелодично. Задал мне вопрос.

– Извини, браток, не понимаю, – развел я руками.

Старший рыкнул снова, и другой морячок взмахнул копьем…

А вот это уже грубо. Желание меня прикончить я угадываю интуитивно. Уклон с уходом вниз, короткий удар в бедро (нож-крюк из динозаврьего когтя остался у меня на поясе – и пригодился), уход вправо-вперед – выход из кольца…

Не тут-то было. Парни довольно ловко сместились, и я снова оказался в окружении. Правда, теперь их оставалось четверо. Пятый остался на песке, баюкая парализованную ногу. Я ткнул ножом неглубоко, но в правильное место.

Нет, очень грамотные ребятки. Сразу увеличили дистанцию, чтобы лишить меня преимущества ближнего боя. Я сделал максимально свирепую рожу и уставился на вожака. Попытался надавить на него эмпатически, но, увы, – способности мои были почти на нуле.

Вожак не испугался. Тоже оскалился, выдал нехорошую такую ухмылочку, и я понял: сейчас меня со всей серьезностью начнут убивать.

Но – не срослось. Один из тех, что оставались при лодке, вдруг дико завопил.

Мои противники обернулись…

Ага, появилась Лакомка. Сама, без зова. Видимо, из любопытства. Конечно, Мишка выглядит внушительнее, да и копья эти ему – как зубочистки. Но Лакомка – тоже далеко не ангел.

Модифицированная пантера махнула сразу метров на пять, припала к песку и продемонстрировала неплохой набор зубок. Драться она пока не собиралась. Так, пугнуть. Моя кошечка поняла, что я не хочу гасить мореплавателей. Реши она, что коричневые парни по-настоящему мне угрожают, тратить время на демонстрацию силы Лакомка не стала бы.

Да, с «пугнуть» у нее вышло просто замечательно. Даже слишком.

Реакция храбрых моряков меня потрясла. Я ожидал, что они вступят в решительный бой (что такое даже очень большая кошка в сравнении с хищным динозавром?), но геройские парни повели себя… Ну отнюдь не геройски.

Миг – и они уже лежат на песке, ничком, побросав оружие. Все, включая тех, что оставались при лодке.

Картина: кушайте нас, как хотите.

Признаться, я был ошарашен. Вероятно, Лакомка тоже.

Она перестала скалиться, подошла к старшему, понюхала всклокоченную голову, пихнула лапой. Тот даже головы не поднял, забормотал что-то по-

своему, судя по тону – очень униженно.

М-да, вот тебе и храбрецы… Нет, что-то здесь не так.

Я шагнул к лидеру охотничьей команды, ухватил за плечи и рывком поставил на ноги.

Куда только делся властный взгляд и гордая осанка? Человек передо мной выглядел как нашкодивший щенок: ежился, в глаза не смотрел и всем своим видом выражал смирение и раскаяние.

Я не понимал ровно ничего. Но результат меня устраивал. Меня не убили, и я никого не убил. Кроме того, можно было не сомневаться, что эти славные ребятки не откажутся взять нас пассажирами.

Я указал Лакомке на моряка, которому уколол ногу.

Лакомка величественно приблизилась, слизнула кровь… Даже в такой напряженной ситуации парень не шелохнулся. Только затрясся крупной дрожью. Видимо, решил, что сейчас его начнут есть.

Лакомка не отказала себе в удовольствии помучить беднягу: дала почувствовать, какие у нее острые клыки. Правда, рану обработала на совесть. В слюне моей багиры содержится целый комплекс антисептиков, природных и благоприобретенных. Так что, когда она закончила, опасность заражения крови парню не угрожала.

Привлеченные лежащими телами, к пляжу слетались зубастые стервятники. Пора было убираться, пока к крылатым падальщикам не присоединятся сухопутные.

Знаками я объяснил вожаку мореходов, чтобы тот поднимал свою перепуганную команду, а сам свистнул, созывая свою.

Первой явилась Марфа. Рухнула с неба на песок и заковыляла ко мне, мрачно кося на морячков.

Было бы эффектней, если бы она опустилась мне на плечо, но, учитывая ее размеры, вес и, главное, коготки, которыми можно без труда вскрыть банку термоконсервов, мне уютнее, когда моя птичка не использует меня в качестве насеста.

Последним заявился Мишка. Очень гордый, потому что – с добычей. Приволок какую-то стокилограммовую зверушку, похожую на кожистую черепаху. Моряков он проигнорировал. Уложил добычу у моих ног. Лакомка понюхала, одобрительно фыркнула, одним движением челюстей снесла кусок черепашьего хвоста и проглотила.

Моряки вновь окоченели. Если бы не мой запрет, они бы снова рухнули на песок. Но преклонение следовало отложить до более безопасного места. Даже удивительно, что к нам до сих пор не наведалась какая-нибудь ходячая камнедробилка.

Я жестами отдал команду – и экипаж парусника засуетился.

Первым рейсом отправились двое моряков (все же до чего крепкие ребята – мускулатура так и играет), мы с Лакомкой, Марфа и, само собой, яйца.

На всякий случай я попросил Лакомку присмотреть, чтобы моя птичка не скушала будущих ящеров. Пернатая лентяйка яички любит.

На корабле не было никого, если не считать парочки мелких морских птиц… Тьфу, птеродактилей. При нашем появлении они проявили некоторое недовольство, но тут появилась Марфа – и птеродактили ретировались.

Я перебрался через борт. Суденышко было довольно простое. Беспалубное, с поперечными банками и кормой, крытой какой-то черной шкурой. Технически оно напоминало плетеную соломенную лодочку, причем соломинки было толщиной с мою руку, проминались под пальцами и упругостью напоминали эластичный пластик. Настил на дне лодки был похож на циновку, но в основе имел тот же самый упругий тростник, только толщиной с мизинец.

Когда мы с Лакомкой оказались внутри, лодка чуть просела и закачалась. Не очень сильно. Судя по всему, у суденышка имелся утяжеленный киль.

Храбрые охотники очень аккуратно перенесли яйца в лодку и спрятали под шкуру. Там, кстати, имелось что-то вроде гнезд. Как раз под яйца. Получается, именно яйца были целью вояжа?

Один из моряков отправился к берегу, другой, не тратя времени даром, принялся разматывать парус. Я пощупал материал… Ага, знакомая вещица. Растянутая почти до прозрачности перепонка птеродактиля.

Подтянулись остальные моряки. В три приема привезли длинные бамбуковые трубки. В каждой – литров пять воды. Это правильно. Вода нам понадобится. Пить морскую воду в моей команде приспособлен только Мишка. Он, кстати, до сих пор торчал на берегу. Ободрал с «черепахи» панцирь и уже ополовинил тушку.

Моряки принайтовали байдарку, затем их лидер показал знаками, что намерен поднять парус. Я кивнул.

Тем временем Мишка сообразил, что мы собирается уплывать, ухватил остатки добычи, плюхнулся в воду и поплыл. У судна он оказался раньше, чем моряки подняли парус. Сначала на дно лодки плюхнулось килограммов тридцать «черепашатины», потом, к ужасу моряков, на нее взобрался мой шестисоткилограммовый балу. Надо отдать Мишке должное, вспрыгнул он очень аккуратно. Со стороны кормы и так мягко, что суденышко почти не закачалось. Только просело еще на пяток сантиметров.

Я жестами успокоил экипаж. Парус наполнился ветром, и судно довольно проворно пошло прочь от берега. Марфа тут же взлетела и уселась на рею. Рея, к счастью, выдержала.

Что ж, пришло время пассажирам знакомиться с экипажем.

Я потыкал себя в грудь и объявил:

– Владимир!

Лидер повторил мой жест и сообщил:

– Фти!

Ну вот и познакомились, решил я.

Однако нет. Капитан указал поочередно на каждого из членов экипажа и повторил: «Фти!»

Вот и догадывайся, что это: название народа, профессия или просто фамилия. Все члены экипажа были довольно похожи, так что вполне могли быть родственниками.

Ну да ладно. Времени у нас много, так что с языком разберемся. Главное – мы плывем на север. Или – на юг. Не зная здешних созвездий, я понятия не имел, приближаюсь я к цели – или удаляюсь.

Глава двенадцатая

Мирное плавание

Если для меня рисунок здешних созвездий был лишь красивым узором, то для моих новых друзей звездная карта была открытой книгой. Направление они выбирали именно по звездам. Поэтому шли мы в основном ночью. Под парусом или на веслах. Что, кстати, тоже было разумно, потому что жара стояла неслабая, а ночью было относительно прохладно. И работать приятнее, и пресная вода экономится.

Весла, кстати, тоже были интересные. Тонкие и очень крепкие стебли вроде бамбуковых и лопасти из срезов того же «бамбука», но намного шире. Очень легкие и очень удобные. Я пробовал грести (несмотря на протесты команды) и получил большое удовольствие.

Днем мы отдыхали. Парус приводился в горизонтальное положение, чтобы прикрывать лодку от солнца. И каждый занимался чем хотел. Кто-то ловил рыбу, кто-то просто бездельничал. Рыбу моряки ловили традиционными крючками, только не металлическими, а костяными. Я внес в процесс новую технологию:

рыбалку с луком, стрелами и супермедведем.

Мишка к этому времени вполне освоился со здешним морем. То есть убедился, что желающие перекусить пришельцем с другой Земли поблизости от нашей посудины не толкутся. И большую часть дня проводил в прохладной соленой ванне. Но поиграть в рыбалку никогда не отказывался.

Выглядело это так. Я высматривал рыбку поближе к поверхности и бил ее стрелой. Плавающий неподалеку Мишка бросался к добыче и лапой выбрасывал ее из воды мне в руки. Я же должен был рыбку поймать. Причем так, чтобы стрела при этом не сломалась.

Неплохое развлечение, а заодно и практика в стрельбе.

Моряков, кстати, очень заинтересовал мой лук. Но я им его не давал. Настаивать они не рисковали.

Превосходным рыболовом оказалась Марфа. Стремительное пике – и в когтях-крючьях бьется трехкилограммовая рыбешка. Но с Марфой возникла проблема. Моя птичка страсть как не любила делиться.

Потому, изловив рыбку, пернатая жадина усаживалась на рею (чтоб никто не достал) и лопала добычу в гордом одиночестве. А потом экипажу приходилось соскребать с паруса вонючий мусор.

Моряки не роптали, но мне это безобразие очень скоро надоело – и я велел Марфе жрать на палубе.

Так она и кушала: сидя на одной ноге (в другой – рыбина) над бортом, расклевывая рыбу и опасливо косясь на всех, кто, по ее мнению, мог покуситься…

Еще я придумал по ночам ловить криль. Сплел из сухожилий мелкую сетку и соорудил что-то вроде сачка.

Словом, с пищей все обстояло неплохо, а вот с изучением языка – не очень. Что-то не ладилось на уровне социально-корневой основы. Я запомнил уже порядка

пятисот слов, но не был уверен, что хоть одно из них толкую правильно.

Тем не менее я старательно запоминал, надеясь, что со временем количество перейдет в качество.

Пока я изучал мореходов-фти (я называл их так, ибо так и не узнал другого обращения), те изучали нас. Они с большим интересом присматривались в моему вербальному общению со зверушками.

Когда я в хорошей форме, в вербализации необходимости нет. Вполне хватает передачи образов и пожеланий. Но поскольку больше всего моя команда нужна мне, когда Дар у меня практически на нуле, то для каждого из моих зверей имелся специальный код.

Звуковой: я – словами; Лакомка и Мишка – «символическим» рыканьем. И язык жестов. Например, в варианте Лакомки поднятая лапа – предложение идти, помахивающая – бежать. Лапа с выпущенными когтями – схватить. Если при этом встопорщены усы – охотиться. Если прижаты уши – драться и убивать. Однако во многих случаях Лакомка, Мишка и я понимали друг друга интуитивно. Много лет мы были в одной связке, много лет «читали» мысли и чувства друг друга. Да и мимика животных не менее выразительна, чем человеческая.

Однако были случаи, когда нам требовалось «поговорить». Например, однажды, когда Лакомка захотела сообщить мне нечто, выходящее за рамки утилитарного жизнеобеспечения.

Дело обстояло ночью. Дул ровный ветер, поэтому команда, за исключением старшего, который сидел у кормового весла, бездельничала. Одни вяло переговаривались, другие просто ничего не делали, находясь в том особом состоянии сладкого ленивого безделья, которое доступно только простым и беззаботным людям.

Мишка дрых на корме, а на носу расположились мы с Лакомкой. Океан вокруг был удивительно спокоен. За кормой висела аккуратная половинка луны. Ветер почти не волновал зеркально-черную гладь. Звезды над головой и бескрайний простор создавали удивительное ощущение безвременья и бесконечности. Вода шуршала, огибая легкий корпус лодки. За кормой тянулись светлые «усы». Мне было очень хорошо. Я чувствовал глубокое единение с этим миром и физически

ощущал, как Высшее вновь нисходит в меня. Легонько, чуть-чуть… Так Бог, одаривший всех нас, Мастеров, Искателей, Слушающих… даже тех, у кого не было явного Дара, ласково касается наших душ. А мы чувствуем, как Он велик, непознаваем и устрашающ в Своем бесконечном Сущем… И бесконечно добр, потому что позволил нам, пылинкам, плыть в Его Вселенной и чувствовать…

Наверно, подобное состояние испытывали все, кто сейчас находился в лодке: разговоры постепенно умолкли и остался только шелест волн, скрип мачты да всплески прыгающих рыб.

Лакомка приподняла голову, лежавшую у меня на ноге, и мурлыкнула басом. Приглашала поговорить.

Мне жаль было нарушать свою гармонию с миром, но я не стал обижать подругу.

– Ну, что ты хочешь мне рассказать? – спросил я тихонько.

Лакомка «рассказала». Я удивился. Дело в том, что моя кошечка, которая восстанавливалась много быстрее, чем я, уже почти вернула себе эмпатические способности. И решила поделиться со мной своими наблюдениями. Информация действительно была интересной и касалась нашего экипажа.

Лакомка установила и четко разграничила те чувства, которые испытывали моряки к каждому из нас.

К Мишке фти относились почти равнодушно, разве что с небольшой опаской. Примерно так, как относятся к зверю на привязи. Не подходи близко – и останешься цел. Это было нормально. Куда интереснее было то, что понятие «привязи» моряки связывали вовсе не со мной, а с ней, Лакомкой. К ней же они относились очень странно. Со страхом и почти благоговением. И именно Лакомку, а не меня считали лидером нашей группы. Меня просто боялись. Причем больше, чем Мишку. Я был им непонятен. А вот к Лакомке, помимо страха, они испытывали нечто вроде ожидания. Вернее так – Ожидания.

Словом, озадачила меня моя киска. Я, значит, им непонятен, а разумные звери – это нормально?

На следующий день я присмотрелся к поведению моряков и понял, что Лакомка права. Интер-ресная картинка.

Воодушевленный загадкой, я с новыми силами занялся языком фти.

В плавании мы находились уже больше месяца. Несколько раз попадали в приличный шторм, однако наша лодочка показала превосходные мореходные качества. Несмотря на изрядную качку, ни разу не подхватила бортом воду и отлично держалась носом к волне. Хотя последнее было, скорее всего, заслугой капитана. Несколько раз шел дождь, пополняя наши запасы воды. Я немного опасался крупных морских хищников, с которыми мы встречались, когда плыли на плоту. Но опасения не оправдались.

Можно было бы назвать наше плавание идеальным. Я не переставал радоваться, что Судьба свела меня с фти. Всё шло так замечательно, что я уверился: мы без проблем достигнем суши.

Тем более что суша была не так уж далеко. Я понял это, когда появились птицы. Настоящие птицы, а не какие-нибудь птеродоны-птеродактили. Целая ватага местных чаек целый день кружилась над нами, выпрашивая подачки.

Все шло хорошо. Наше плавание, похоже, заканчивалось, и заканчивалось удачно. Однако, как сказано одним мудрецом: ни об одном человеке нельзя сказать, что он прожил счастливую жизнь, пока он не помер своевременной естественной смертью.

Опасность пришла, когда на краю горизонта возникло туманное облачко, которое любой мореплаватель всегда опознает безошибочно. Земля.

Глава тринадцатая

Пираты

Втаких случаях принято говорить: они появились внезапно. Увы, так оно и было. В полдень, когда солнце палит особенно свирепо и единственное желание – спрятаться куда-нибудь в тень и не высовываться. Желательно перед этим искупаться.

Из нашей команды больше всех страдал от жары Мишка. Поэтому он уже часа три плавал где-то неподалеку. Я за него не опасался. Он взрослый мальчик. Способен разобраться, кого может скушать он, а кто – его. В общем, Мишка плавал, а мы: я, Лакомка, Марфа и отважные мореплаватели – пребывали в состоянии: «сиеста».

Вот тут-то они и появились. Три лодки, наподобие нашей, только подлиннее. Без мачт, иначе бы мы их заметили раньше. Вдобавок корпуса чужих лодок были выкрашены какой-то бледно-зеленой краской, так что на фоне морской ряби были практически неразличимы.

Я выпал из дремы от пронзительного вопля нашего капитана.

Храбрый экипаж бросился к веслам, но – поздно. Чужие лодки были уже слишком близко. Моряки бросили весла и схватились за оружие.

Шум и возня разбудили Марфу. Птичка, проснувшись, растопырилась и возмущенно заорала.

Я тоже приподнял голову: поглядеть, что стряслось. Лакомка – не соизволила. Разморенная кошка распласталась толстым черным ковром, размякшая и абсолютно безразличная к людской суете.

Я ее флегмы не разделял, а напротив, оценив ситуацию, очень даже озаботился.

Три лодки. В каждой – десятка по два вооруженных гуманоидов. С виду – соплеменники моих фти. С похожим вооружением. И очень серьезно настроенные.

Мой капитан и здоровенный лысый битюг на носу одной из чужих лодок (я сразу окрестил его Боцманом) обменялись быстрыми репликами. Я понял только общий смысл. Пришельцы желали что-то получить, а наш капитан отнекивался.

Но как-то униженно.

В процессе диалога капитан несколько раз поглядывал в нашу с Лакомкой сторону, однако я вмешиваться не спешил. Сначала надо понять, что нужно супротивникам. Может, это местная таможенная служба, а наш капитан торгуется по поводу размера пошлины?

Обстановка постепенно накалялась. Вторая сторона перешла к угрозам. Мол, отдай, что хотим, или мы вас нанижем на такие длинные деревянные палочки с острием на конце.

Кажется, я понял о чем шла речь. Сев на банку, я с интересом поглядел на битюга. У него, похоже, не глаза, а сканер. Углядел ведь надежно спрятанные в рундуке яйца. А, кстати, в чем, собственно, их ценность? Суперяичница для местных гурманов?

Боцман на меня особого внимания не обратил: глянул мельком. Как говорится, сосчитал и забыл. Наверное, потому, что при мне не было копья.

Я взял лук и накинул тетиву. На всякий случай. В возможность драки я не верил. Не хотел верить. Потому что, как было сказано выше, убивать людей Мастеру Исхода категорически противопоказано. Губить чужие души для Одаренного все равно что умирать самому. Незабываемый набор ощущений и полная утрата связи с Высшим. Причем, чем сильнее Дар, тем страшнее «откат». Сейчас моя связь с Высшим была ничтожна, личная Сила еще меньше, так что я, пожалуй, мог бы… Но очень, очень не хотелось.

Эти гуманоиды слишком похожи на людей, чтобы надеяться на отсутствие у них души. Возможно, они – потомки каких-нибудь позабытых колонистов. А может, исконная тутошняя цивилизация. Господь создал множество Земель. Были среди них и населенные. На одной такой Земле побывал три века назад Артем Грива, отец первого Мастера Исхода.

Тем временем обстановка накалялась. Противная сторона уже вовсю потрясала копьями. Боцман орал так громко, что даже Лакомка приоткрыла один глаз… Но я был спокоен – и Лакомка снова впала в дрему.

Мой капитан бросал то на меня, то на Лакомку взгляды уже откровенно панические.

И он, и весь храбрый экипаж. В воздухе отчетливо запахло страхом. Неужели всё так серьезно? Неужели придется убивать? Врагов слишком много. Без крови не обойдешься…

Мне уже приходилось отправлять человеческие души к Творцу, но вспоминать об этом я не любил. В Теократиях люди не убивают людей. Но я знал, что есть общества, где умерщвление себе подобных – обычная практика. Не следовало забывать и о том, что не так давно мои нынешние спутники тоже хотели проделать во мне не предусмотренные природой отверстия…

И все же я решил еще подождать. Есть народы, у которых агрессивное поведение – норма. Орут друг на друга так, что кажется – вот-вот порвут на части. А потом расходятся как ни в чем не бывало.

Или идут совместно употреблять алкоголь.

Вернулся Мишка. Наверное, приплыл на шум. Увлеченные «беседой» чужие его не заметили, хотя, когда он взгромоздил передние лапы на корму одной из чужих лодок, та заметно качнулась.

Я совсем успокоился. При необходимости Мишка справится с экипажами всех трех лодок. Очень сильно сомневаюсь, что бронзовыми лепестками можно пробить покрывающую его броню из шерсти, шкуры и жира. Разве что в глаз попасть… Но в Мишкин глаз попасть непросто, даже если он сидит неподвижно. А если движется… Или, тем более, дерется… Не пробовали попасть контактным шунтом в аккумуляторный разъем летящей вертушки?

Мой капитан тоже увидел Мишку – и малость приободрился.

Его бодрость, надо полагать, вконец расстроила Боцмана. Потому что он размахнулся и метнул копье. Причем – в меня. Это был неправильный выбор. Но я не стал его вразумлять, я просто поймал копье. Третий закон Ньютона рекомендует метнуть копье обратно, но я медлил. Чем-то мне Боцман понравился…

И он так мило смутился, обнаружив, что копье оказалось в моей руке, а не в животе.

Мишка приподнялся, вспрыгнул на корму и рявкнул.

Ух как они все заорали. Любой бы заорал, увидав рядышком этакое страшилище.

Впрочем, Боцман (ага, не зря он мне понравился) не оробел: рявкнул не хуже Мишки, и его бойцы тут же ощетинились копьями, готовые умереть в неравном бою.

Мишка покосился на меня. Мол, как? Можно начинать кушать или малость погодить?

Я чуть заметно мотнул головой.

Лакомка наконец проснулась. Поднялась, вспрыгнула на банку, потянулась грациозно, каждой лапой по очереди…

Чужаки, все поголовно, были увлечены Мишкой, но кто-то все-таки скосил глаз в сторону…

И увидел Лакомку.

– Маххаим! – заорал он, указывая на Лакомку. И – вот же мистика, а! – шестисоткилограммовая машина убийства по имени Мишка была мгновенно забыта. Все три экипажа с завидной синхронностью распростерлись – кто где стоял.

Боцман – быстрее всех. Нет, этот мужик не зря ходил в вождях. Отменная скорость реакции.

Ну и ну. С чего бы это такое почтение к черным помесям льва и леопарда? Может, черная пантера – их богиня?

Ладно, разберемся. Надо решить, что делать с новыми поклонниками Лакомки.

Я вопросительно поглядел на моего капитана. Тот выразил лицом благоговение.

– Они уходят? – спросил я, старательно моделируя тоном вопросительную интонацию.

Капитан быстро-быстро закивал.

– Мишка, – позвал я, – бросай этих ненормальных (как иначе можно было охарактеризовать тех, что готовы драться с Мишкой и сложили лапки при виде втрое меньшей Лакомки) и иди к нам.

Мишка чинно плюхнулся в воду и аккуратно взобрался на наше суденышко.

– Уходите! – рявкнул я, на сей раз моделируя интонацию повелительную. – Прочь! Быстро!

Боцман опять не подвел. Первым сообразил, что приказ относится к его шайке и…

Я знал, что местные лодочки могут ходить кормой вперед, но никогда не думал, что так быстро.

Следующие полчаса мне (и Лакомке) пришлось выслушивать благодарственные молитвы нашей команды. Они старательно унижались до тех пор, пока мне это окончательно не опротивело.

Тем более что до земли оставалось не более суток ходу, а к моменту высадки я должен был хотя бы примерно представлять, что у них за вера такая – кошколюбивая.

Поэтому я решительно прервал славословие, усадил капитана на банку напротив и для начала выяснил, что за парни пытались лишить его имущества.

Оказалось, что это – нехорошие-нехорошие, которые отнимают у хороших-хороших нужные вещи, в частности – динозаврьи яйца. Пираты, стало быть. Следующий вопрос потруднее: что же в моей кошечке такого особого?

Лицо капитана выразило целую гамму чувств. Так реагировал бы, вероятно, огнепоклонник, если бы на его глазах глупый чужестранец помочился в священный костер.

Однако обвинения в кощунстве я не боялся, поскольку Лакомка была тут как тут и умильно терлась мохнатой башкой о мой бок.

Я повторил вопрос.

Капитан разразился потоком слов, из которых я понимал почти каждое – в отдельности. Но вместе они как-то не складывались.

Суть, которую я сумел вычленить, сводилась к тому, что хорошо бы Лакомке как-то так поменяться, чтобы им было удобнее ее восхвалять.

Я немного растерялся. Как это поменяться? Задом, что ли, сесть?

– Кратко, – велел я. – Говори кратко. Отдельными словами.

– Перевернуться, – попросил капитан.

– На спину? – Мое изумление все росло.

– Нет. Перевернуться, – попытался уточнить капитан. – Главная форма. Как ты. Как я. Голова. Руки. Перевернуться.

Тут меня озарило.

– Стать – как фти?

– Нет фти! – Капитан испуганно замахал руками и даже отодвинулся. – Стать аниф.

– Аниф?

– Я – аниф. Ты – аниф. Он, – кивок на одного из моряков. – Аниф. Мы – аниф. Он, – почтительно, с поклоном – на Лакомку. – Стать аниф. Маххаим аниф. Очень хочется. Так – очень страшно.

Постепенно выяснилось: храбрые моряки считают мою кошечку вовсе не кошечкой, а оборотнем. Причем оборотнем (надо же!) мужского пола.

Что ж, логика в этом была. Первобытному уму легче поверить в оборотня, чем в разумную пантеру. По крайней мере это можно допустить. Стоп! А почему тогда так перепугались пираты? Вряд ли можно считать проявлением разума кошачьи потягушки. Да и тогда, на берегу, мои моряки среагировали исключительно на сам факт появления Лакомки.

Ладно. Оборотень так оборотень. Как вам будет угодно. А вот насчет превращения…

– Нельзя! – строго сказал я. – Ему перевернуться – будет плохо. Всем. Ты. Я. Они. Он, – я почесал Лакомке между ушей, она прижмурилась и выпустила когти. Капитан поглядел на растопыренную лапу с восьмисантиметровыми крюками и быстро-быстро согласился. Нельзя так нельзя. А за пиратов еще раз – отдельное спасибо. И еще сто тридцать три раза – спасибо. И еще…

– Довольно, – велел я. – Кушать рыба. Вода – пить.

Требуемое тут же доставили. Разумеется, сначала Маххаим, то есть – Лакомке, а уж потом мне, примитивному анифу, который не умеет «перекидываться» зубастым четвероногим.

Глава четырнадцатая

Насыщенная жизнь прибрежной деревеньки

Городом я бы это не назвал. Так, прибрежный поселок. Залив, впадающая в него речка, заросшая тростником. Длинная белая полоса пляжа, на которой – тушки выволоченных из воды лодок. Террасы плоских круглых хижин, тонущие в

тропической зелени.

Мы подошли к берегу с первым лучом солнца, однако жизнь в поселке уже кипела.

Встречать моряков вышла целая толпа. Человек пятьдесят. В основном – женщины.

Явления Лакомки народу опять произвело фурор и повальное падение ниц.

Впрочем, наш капитан (теперь я знал его имя – Меченая Рыба) быстро всех поднял, объяснив, что этот Маххаим не любит пресмыкающихся.

Четыре яйца, которые наш экипаж торжественно вынес и уложил на песок, вызвали всеобщее безумное ликование.

Меченая Рыба сообщил, что сохранить заветные яички удалось исключительно благодаря Маххаим, который оберег моряков от посягательств нехороших людей… И так далее.

Пока Меченая Рыба вещал, я разглядывал аборигенов. Если это и были колонисты, то явно не те, что ушли в Исход с Пророком Шу Дамом. Слишком схожий фенотип. Было такое ощущение, будто все они – братья и сестры. Причем среди сестренок попадались очень даже миленькие. И практически голенькие. Мой обновленный организм, всё это время сдерживаемый медитацией и силой воли, вдруг взбурлил гормонами и возжелал… Ну, в общем, возжелал.

Надеюсь, у них тут нет табу, препятствующих близкому общению с чужаками?

Кстати, неплохо было бы перекусить.

Я опустил руку на плечо Меченой Рыбы и сказал негромко и веско:

– Маххаим голоден. Хочет мяса.

Лакомка рыкнула одобрительно. Наши желания совпадали.

Мой капитан заткнулся мгновенно и, похоже, перепугался. Равно как и его соплеменники. Не исключено, решили: под мясом подразумевается кто-то из них. Чем черт не шутит… Может, настоящие Маххаим как раз людей и кушают?

Я успокоил Рыбу, уточнив, что годится любое мясо. Только много. И еще Маххаим любит молоко. Пять минут ушло на то, чтобы объяснить, что такое – молоко. Да, прошу учесть, что я предпочитаю мясо жареным, а к нему – что-то растительного происхождения…

Договорились. Нас торжественно повели кормить. Я получил жареное мясо, фрукты и яйца, Лакомка – тушу свежеубитой антилопы (Ага, значит здесь водятся нормальные млекопитающие!) размером с годовалую телку. Большую часть антилопы, впрочем, слопал Мишка.

Довольный качеством пищи, Мишка всё же слегка обиделся, что на него обращают так мало внимания. Мой балу довольно тщеславен.

А Лакомка с удовольствием купалась в лучах славы. На десерт ей подали молоко. Примерно стакана полтора. Капитан очень извинялся, что – так мало. Больше, мол, никак не получилось.

Лакомке молоко не понравилось. Я его тоже попробовал – слишком сладкое. Не иначе как…

– Женское? – спросил я капитана. Тот закивал с умильной улыбочкой, совершенно не соответствующей его суровому лицу.

– Плохо, – не одобрил я. – Маххаим надо – не от человека.

Я собирался остаться здесь на некоторое время. Попрактиковаться в языке. Разобраться в местном социальном устройстве. Еще не хватало всё это время морить голодом местных младенцев.

Глава пятнадцатая

Истинная ценность динозаврьих яиц

Прошло две недели. Маленький поселок жил своей простой правильной жизнью. Ловил рыбку, ловил зверье, которого в прилегающих джунглях было несметное множество, собирал всякие манго-бананы и как мог развлекал гостей. То есть – нас. Особенно меня. Практически все местные незамужние (здесь практиковалась полигамия) девушки побывали в отведенной мне (то есть Маххаим со слугами) хижине. Разумеется, ночью, когда великий и могучий Маххаим изволил охотиться в местных джунглях.

Динозавров, кстати, здесь не водилось. Флора и фауна вполне соответствовали периоду господства млекопитающих, и самая крупная здешняя ящерица была не длиннее моей руки.

Замечательный мир. Если бы не плохие парни, которые встретились нам на подходе к земле, я бы счел, что здесь царит полная идиллия. Изобилие пищи исключало необходимость в возделывании земли и приручении животных, потому о коровьем молочке Лакомка могла забыть.

Я бы с удовольствием прожил в поселке минимум полгода и дождался, пока восстановятся хоть какие-нибудь мои способности, но мой Дар возвращался очень медленно (хотя медитировал я очень старательно), а долг требовал идти вперед. На север. Искать потерявшую Пророка колонию. Именно долг. Никаких дополнительных чувств я к потерявшим лидера колонистам не испытывал. Вот если бы в помощи нуждался сам Пророк, я бы не медлил ни мгновения. А обычные люди…

Нас, Одаренных, лишенные Дара частенько обвиняют в бесчувствии и равнодушии. В презрении к обычным людям, высокомерии и отсутствии нормального человеческого сострадания. Смешно! Все равно что обвинять врача, спасшего сотни жизней, в том, что он не умер от горя, потеряв единственного пациента. Да что там говорить – общество обычных людей, их мысли, их чувства, их желания для Одаренного… Нет, не чужды. Все-таки люди созданы Богом по Своему Образу и Подобию. Но порой довольно неприятны. Поэтому даже самые общительные эмпаты стараются по возможности изолироваться от неодаренного населения родной планеты. Только настоящие Пророки способны любить и лелеять лишенных Дара. Но на то они и Пророки, чтобы творить чудеса. Лично я так не умею. Мне куда дороже мои звери, чем несколько сотен потерявшихся в

здешних просторах колонистов. Мишка, Лакомка и Марфа последовали за мной, потому что искренне меня любят. Даже ленивая и жадная Марфа пожертвует ради меня жизнью, ни на мгновение не усомнившись. А эти колонисты позволили погибнуть своему Пророку. Не исключено, что они не виноваты в его смерти. Не исключено, что они были не в состоянии ему помочь… Но они живы (по крайней мере, я на это надеюсь), а Шу Дам мертв. Этим все сказано.

Из уважения к памяти Пророка, из чувства долга по отношению к Теократии Центральная Сибирь, я сделаю все, что смогу, для спасения паствы Шу Дама. Но рисковать сверх необходимого собственной жизнью и жизнями моих зверушек не собираюсь. И перед тем, как покинуть гостеприимный поселок, я постараюсь не только усовершенствоваться в знании языка, но и хотя бы в общих чертах разобраться в том, что представляет собой здешнее общество.

Со здешним цивилизованным поселком связывала река. Несколько раз сверху приходили лодки. Иногда – с коренными обитателями поселка. Иногда – с посторонними. Последние привозили разные товары. Продуктов технической цивилизации среди них не было, зато имелись всякие ремесленные поделки. Например, бронзовые инструменты. Выше по течению реки имелись и другие поселки. А уже совсем далеко (в понимании туземцев) имелось нечто, похожее на город. Именно оттуда привозили полезные товары. Именно там (по утверждению аниф) обитало много-много людей. Большего я выяснить не смог. Уперся в языковые и понятийные барьеры.

Я особенно и не допытывался, потому что опасался: мое невежество выдаст тот факт, что Лакомка – всего лишь полуразумный зверь, а никакой не Маххаим. Как в таком случае поведут себя аборигены, я понятия не имел, но справедливо опасался, что они могут обидеться. Обижать этих милых людей мне вовсе не хотелось.

Кстати, наше присутствие в поселке я попросил не афишировать. Надо полагать, этот поселок – часть некоего государства. Я даже видел некие признаки этой государственности. Например, деньги. Бронзовые и медные бляшки с невнятыми печатями и дырочкой посередине – для удобства пользования. Их можно было обменять на бронзовые наконечники для копий или непонятного происхождения ткань для набедренной повязки. Мне, впрочем, и то и другое было предложено бесплатно. Но лишь когда выяснилось, что «денег» у меня нет.

Похоже, этот факт Меченую Рыбу удивил.

Итак, есть все основания полагать, что здесь существует государство. А у любого государства есть правители, которые, как правило, терпеть не могут чужого и непонятного. А ведь еще эти таинственные Маххаим… Никаких строений религиозного значения (равно как и мероприятий, похожих на отправление культа) я не заметил. Не исключено, конечно, что оные имели место там, где чужаки не могли их увидеть, но маловероятно. То, что проглядел бы я, с большой долей вероятности обнаружили бы мои зверушки.

С другой стороны, много ли знают полудикие обитатели джунглей на Земле-Исходной о величии российского Императора, традиционно патронировавшего Теократию Центральная Сибирь. Не говоря уже о самой Теократии…

Мне совсем не хотелось драться с неизвестным, но, по-видимому, опасным противником без острой необходимости.

Так или иначе, но я наметил себе срок: двадцать семь дней. Потом – в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Желающих узнать об Ифрите подробнее отсылаю к моей книге «Время перемен».

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-mazin/master-ishoda

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити